

*Детективы
о женщине-стихии*

Ирина **ГРАДОВА**

**Рай для
неудачниц**

Ты остановишь цунами

Детективы о женщине-стихии

Ирина Градова

Рай для неудачниц

«ЭКСМО»

2011

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Градова И.

Рай для неудачниц / И. Градова — «Эксмо», 2011 — (Детективы о женщине-стихии)

ISBN 978-5-699-92613-8

Где граница между завистью и ненавистью? Может ли сильная женщина противостоять разрушительной страсти, которая требует уничтожить все, что тебе не принадлежит? Врачи и медсестры в клинике, где проходят лечение актеры, шоумены, звезды подиума и рекламы, каждый день страдают от собственной униженности рядом с самыми известными в стране пациентами. Стоит ли удивляться, если в этой клинике одно за другим произойдут несколько убийств? Агнии Смольской, специалисту по медицинским расследованиям, предстоит разобраться, так ли велика вина врачей в том, в чем уже готовы их обвинить капризные пациенты и желтая пресса. Книга также выходила под названием «Шоковая терапия».

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-92613-8

© Градова И., 2011
© Эксмо, 2011

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	35
-----------------------------------	----

Ирина Градова

Рай для неудачниц

© Градова И., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

*Расплатой за наши подозрения становится то, о чем мы
подозревали.*

Г. Д. Торо

Луна выглянула из-за облаков, осветив дорожки, аккуратно подстриженные кусты, деревья и статуи, ровными рядами расположившиеся вдоль аллеи, уходившей в ночное марево в глубине парка. Несмотря на конец лета, в воздухе уже чувствовалось ледяное дыхание близкой зимы, и он щипал и покалывал кожу, словно тысячи мелких иголок.

В одной пижаме и тапочках девушка ощущала себя практически голой, но холода не чувствовала: у нее имелись более серьезные причины для страха. Они уже нагоняли ее: за спиной так и слышалось тяжелое, прерывистое дыхание преследователей.

Девушка взглянула на свои руки – когда-то ухоженные и белые, сейчас они были покрыты запекшейся кровью. Тени в конце аллеи сгустились, колеблясь в призрачном свете луны, словно вода в бассейне. Сам бассейн, накрытый пленкой, подсвечивался снизу бледно-зелеными лампочками. Все казалось таким спокойным, таким безопасным. Но она-то знала, что безопасность эта – мнимая! На самом деле они *нарочно* создали такое впечатление, чтобы не вызывать подозрений. Но она их раскусила, и теперь ничто не сможет удержать ее в этих стенах... Ничто и никто!

Преследователи приближались, и она, секунду поколебавшись, вступила в темную аллею, оглянувшись напоследок всего лишь раз, чтобы раствориться в ночном тумане. Холодная роса на траве заставила ее поежиться, но мысль о том, что впереди ворота, за которыми ее ожидает свобода, заставила девушку немедленно забыть о неприятных ощущениях. Еще пять минут, и она спасена.

За невысоким аккуратным забором с чугунными воротами мужчина средних лет в спортивном костюме граблями убирал сухую траву и листья. Он работал не торопясь, со знанием дела и явным удовольствием, словно ценя каждое мгновение, проведенное на природе. Погода и в самом деле была отменная: несмотря на середину сентября, дни стояли теплые, и только к вечеру заметно холодало. Здесь, в двадцати километрах от города, дышалось легко, словно Питер находился на другом конце земного шара.

Тоня с наслаждением втянула ноздрями осенний воздух, напоенный ароматами свежескошенной травы, поздних цветов и опилок (где-то рядом строился небольшой коттедж). А она уже думала, что ничто ее теперь не порадует... Тяжело вздохнув, Тоня толкнула калитку, и через пару секунд оказалась нос к носу с огромным мраморным догом. Пес встал на задние лапы, опершись передними о калитку. Он не издал ни звука, но вид имел довольно серьезный, если не сказать угрожающий.

– А ну-ка, фу, да?

К забору подскочил мужчина, которого Тоня видела собиравшим листву. Команду он произнес почему-то с вопросительной интонацией, но дог, похоже, все понял правильно и

соскочил на землю. Его длинный хвост лениво колыхался туда-сюда, словно пес не знал, стоит ли оказывать госте теплый прием.

– Вам кто? – дружелюбно поинтересовался мужчина в спортивном костюме.

Тоня поняла, что это – своеобразная интерпретация фразы: «Вам кого?», и ответила:

– Мне бы Андрея... Эдуардовича, если можно.

– Ай, нет, нельзя, нельзя! – энергично замотал головой мужчина. – Нету его дома – нету!

– Но... сегодня же воскресенье! – недоверчиво воскликнула Тоня. – Даже Андрей не работает по выходным!

– А он и не работает, – согласился незнакомец. Теперь Тоня убедилась, что это, очевидно, тот самый Раби, домоправитель. – Только нельзя с ним говорить, понимаешь, да?

– Почему?

– Занята он, ясно, да?

– Чем это он так занят, что не может встретиться со старой подругой?

– Старый друг? – подозрительно нахмурившись, переспросил Раби и тут же отмахнулся: – Неважно. Доктор ни с кем не разговаривает – болеет, да?

– Болеет? – встревожилась Тоня. – Чем?

Вместо ответа Раби легонько постучал по своей круглой черепушке, отчего она еще больше разволновалась. Да, конечно, они давненько не виделись с Андреем, и ей следовало хотя бы время от времени позванивать ему. Или, может, это ему следовало?

– Операция был очень серьезный, да? – продолжал Раби. – Доктор говорит, отдыхать надо, вот как! Отдыхать, чай пить и спать.

– Послушайте, Раби, – быстро заговорила Тоня, боясь, что домоправитель сочтет разговор оконченным и выставит ее за ворота. – Мне очень нужно поговорить с Андреем – это вопрос жизни и смерти! Я... я просто не знаю, куда еще обратиться!

Раби собирался ее прогнать, несмотря ни на что. Хозяину сейчас не нужны никакие сильные эмоции, а эта женщина источала их в огромном количестве. Однако, обладая колоссальным терпением и выдержкой, Раби все же имел одну слабость: он на дух не переносил женских слез, а у гостыи глаза были на мокром месте, и домоправитель понял, что не сможет так просто избавиться от нее и запереть ворота.

– Ладно, – тяжело вздохнул он, отступая в сторону. – Проходи, да?

Тоня поторопилась воспользоваться приглашением. Раби повел ее за дом, в глубину сада. Там, под раскидистой яблоней, стоял добротный деревянный шезлонг, накрытый толстым стеганым покрывалом. В нем спиной к ним полулежал человек.

– Вот, – указал пальцем домоправитель. – Десять минут – и я прихожу!

Тоня обошла шезлонг справа и остановилась. Андрей, похоже, дремал, заботливо укутанный в шерстяной плед, и потому не почувствовал ее появления. Как же он изменился со дня их последней встречи! У Тони защемило сердце, когда она одним взглядом охватила его худое тело и осунувшееся лицо. Казалось, его белые волосы сливаются с лишенными здоровых красок лбом и щеками. Но несмотря на все это, Андрей, как ни странно, выглядел моложе, чем она ожидала. Значит, он перенес какую-то серьезную операцию? Внезапно глаза больного распахнулись. Тоня на мгновение задержала дыхание. Взгляд широко открытых глаз Андрея, голубых и прозрачных, всегда действовал на нее так. Она испытала легкое раздражение оттого, что и сейчас, похоже, ничего не изменилось.

Безучастное выражение, какое бывает у людей, только что очнувшихся ото сна, изменилось, как только Андрей выхватил глазами из золотисто-зеленого окружения сада невысокий женский силуэт. Он еще испытывал трудности с фокусировкой зрения – Шилов говорит, что это пройдет со временем, однако ощущения, надо сказать, пренеприятнейшие!

– Здравствуй, Андрюша! – произнес знакомый голос, и смутный силуэт стал приобретать знакомые черты.

– Тоня – ты?!

Она изменилась. Не то чтобы постарела, но черты лица стали менее четкими. Немного расплнела, но это ее не портило. Отпустила волосы, и теперь они крупными локонами вились по плечам. И еще в них появилось много седых прядей.

– Ну, не надо встречать меня так, будто я восстала из мертвых! – улыбнулась Тоня, ласково коснувшись рукой его щеки. Пальцы ее были холодными и сухими. – Я живу в том же городе, всего в получасе езды от тебя, помнишь? Нет, ты уж сиди, пожалуйста, – предупредила она, заметив, что Андрей пытается подняться, – а не то твой «охранник» меня прибьет – он и так отвел мне всего десять минут для разговора, и я попробую уложиться в срок.

– Ты могла хотя бы позвонить! – упрекнул он ее, с видимым облегчением откидываясь обратно на спинку шезлонга: несмотря на внешнюю браваду, с которой Андрей встречал порою навязчивую заботу Раби, он чувствовал, что ослаб сильнее, нежели готов признать.

– А я звонила, Андрюша, но твой мобильный все время отключен, а по домашнему отвечает автоответчик.

– Это Раби, – вздохнул Андрей. – Он почище мамыши будет: сюда не ходи, это не ешь... А я-то думаю, почему никто не звонит, не приходит!

– Да уж, – согласилась Тоня, – он охраняет тебя как пес, это верно! Прости, я не предполагала...

– Ерунда!

– Да нет, Андрюша, не ерунда. Тебя оперировали, а я даже ничего не знала!

– Откуда тебе знать? Я никому не сообщал. Так что заставило тебя приехать, Тоня? Ты же не проводить меня пришла?

Она взглянула на него из-под ресниц, не поднимая глаз. Да, он не мог ожидать, что она захочет его навестить просто так. Их расставание прошло тяжело и болезненно – для нее, и, хотя с тех пор минуло двадцать семь лет, Тоне сейчас показалось, что это произошло только вчера.

– Ты прав, – кивнула она. – Я по делу. Вернее... Мне нужен ОМР – так ведь называется организация, которую ты возглавляешь?

Прежде чем Андрей успел ответить, Тоня продолжила:

– Это касается Гены...

– Генки? – удивленно поднял брови Андрей. – Как он, кстати?

Тоня подняла на него глаза, но тут же отвела их в сторону и быстро ответила:

– Гена умер, Андрюша...

– Что?! Как...

– Его убили.

Андрей, казалось, не мог переварить эту новость. Он побледнел еще больше, хотя это и казалось невозможным, и Тоня испугалась, что станет невольной причиной ухудшения его состояния. Возможно, Раби не зря так ревностно охраняет его покой? Словно прочитав ее мысли, домоправитель вывернул из-за угла дома и решительно направился к ним.

– Десять минут! – провозгласил он, постукивая узловатым пальцем по циферблату часов на запястье. – Пора!

– Уйди! – глухо произнес Андрей, не оборачиваясь.

Раби обиженно поджал губы, и Тоня послала ему виноватую полуулыбку.

– Нельзя... – начал снова домоправитель, но Андрей тихо прервал его:

– Уйди – нам надо поговорить. И не появляйся, пока я не позову.

Какое-то мгновение казалось, что Раби не послушается, но пару секунд спустя, тяжело вздохнув, он все же развернулся и неохотно двинулся в том направлении, откуда появился.

– Что... как – Генка? – спросил Андрей, как только сгорбленная от обиды спина домоправителя исчезла за домом.

- Я не знаю. Понимаешь, это случилось почти месяц назад...
- Месяц?! И ты сообщаем мне об этом только сейчас?
- Прости, мне было ни до чего! Кроме того, я звонила, чтобы сообщить о похоронах, но телефон...
- Да-да, понятно, – пробормотал Андрей. – Продолжай!
- Мы и в самом деле давненько не общались, я понимаю. Гена перешел работать в частную реабилитационную клинику.
- Лечить наркоманов?
- Нет, эта клиника другого рода. Она называется «Сосновый рай» – может, слышал?
- Это там, где лечатся всякие знаменитости?
- Точно!
- Не думал, что Гена променяет практику в больнице на... на такое, в общем.
- Ты еще всего не знаешь, – покачала головой Тоня. – Лет восемь тому назад он бросил онкологию.
- Бросил? Поверить не могу!
- Это давило на него, понимаешь? Я, конечно, Гену не оправдываю, но... Ты вот, например, занимаешься реконструкционной хирургией, возвращаешь людей к нормальной жизни, и работа приносит тебе удовлетворение. А Гена, видишь ли, устал хоронить своих пациентов! Мало кому удавалось по-настоящему помочь, и он переживал это очень тяжело. Переживания свои он приносил домой, и я с трудом могла с ним общаться, потому что он стал раздражительным и неуживчивым.
- Тоня остановилась, чтобы перевести дыхание.
- Прости, – сказал Андрей, беря ее за руку. – Я зря наехал!
- Да нет, все правильно, – слабо улыбнулась она. – Я тоже сначала возмутилась. Стоило ли писать докторскую, чтобы в одночасье все бросить и переквалифицироваться во врача нетрадиционной медицины?!
- Значит, он занялся этим?
- Акупунктура, остеопатия, аюрведа – все в таком роде. Даже в Индию и Китай ездил учиться, представляешь? Потом устроился в поликлинику.
- В поликлинику?!
- Да, но проработал там недолго, – попыталась оправдаться Тоня. – Примерно через полгода его пригласили в «Сосновый рай». С тех пор покой вернулся в нашу семью, да и деньги там платили хорошие – что уж скрывать. Я и подумать не могла, что все *так* закончится!
- Значит, это как-то связано с Генкиной работой?
- Я даже не знаю, что и думать! Понимаешь, его убила одна из пациенток... Но ты ведь не мог не слышать об этом случае?
- Ты говоришь, это произошло месяц назад? – уточнил Андрей. – Примерно тогда меня и прооперировали.
- Прости, я не подумала! Значит, ты не мог этого знать. Пациентка, восходящая звезда шоу-бизнеса, Татьяна Донская, насмерть забила моего мужа пресс-папье... Представляешь, такое огромное, в виде китайского болванчика! Весило оно килограмма два, наверное...
- Боже мой...
- Андрей зажмурился, пытаясь отогнать от себя ужасное видение.
- Ее взяли, эту девицу? – спросил он, тяжело сглотнув.
- Нет. Она спрыгнула с крыши высотки в центре города.
- Сумасшедшая? – спросил Андрей, нахмурившись.
- Вроде бы нет... Этим делом занялись как следует, потому что, как говорят, Донская была любовницей какой-то шишки.

– Это же хорошо, да? Значит, дело не положат в долгий ящик. Но ты сказала, что с тех пор прошел уже месяц, разве они еще не закончили? В смысле, убийца мертва, дело можно закрывать...

– В том-то и дело, что все не так просто, Андрюша! Не нравится мне, к какому выводу пришло следствие.

– То есть?

Он внимательно посмотрел на Тоню, замечая каждую складочку, каждую морщинку на ее лице. Андрей хорошо знал людей, а уж Тоню-то всегда читал, словно открытую книгу. Сейчас он видел, что ей, похоже, трудно высказать вслух свои мысли. Это показалось ему странным. Андрей с удивлением ощутил просыпающийся в душе интерес к этой истории, а ведь ему думалось, что с этим покончено навсегда!

– Следователь... Понимаешь, Андрюша, он обвиняет Гену в изнасиловании Татьяны Донской!

Если бы где-то рядом взорвалась противопехотная мина, каких Андрей повидал на своем веку немало, это не произвело бы на него такого эффекта, какой возымели слова Антонины.

– Г-генку? В изнасиловании?! Что за...

Невольно приподнявшись на шезлонге, Андрей тут же почувствовал головокружение. Перед глазами поплыли разноцветные круги, и твердая рука Тони аккуратно опустила его обратно.

– Ты в порядке? – с тревогой поинтересовалась она, когда ему вновь удалось сфокусировать взгляд и отдышаться. – Как твой гемоглобин? Судя по всему, на нуле?

– Ну, почему же – на нуле...

– Сто двадцать? Сто?!

– Это ерунда, Тонь, – отмахнулся Андрей. – Дай мне время!

– Дело не во времени, ты же понимаешь! Надо правильно питаться...

– Слушай, ты ведь пришла за помощью? Вот и рассказывай. Если бы я нуждался в твоей консультации, то записался бы к тебе на прием.

– Извини, – усмехнулась Тоня. – Я успела забыть, как болезненно ты реагируешь на других врачей! Так вот, якобы имеется свидетельница, которой Донская рассказывала о домогательствах моего мужа... Господи, говорю – и сама поражаюсь, какая же это ерунда!

– О ком угодно другом поверил бы, – пробормотал Андрей, – но Генка – и?..

Геннадий всегда любил Тоню. С первого курса института, когда они только познакомились, его как молнией поразило. Та же молния, судя по всему, ударила и Антонину – но, к сожалению, направив весь эффект от удара в сторону Андрея. К счастью, со временем она разобралась, что к чему.

– Не верю, – сказал он, так и не закончив начатую фразу.

– Я тоже, но следователь придерживается другого мнения.

– Чего ты хочешь? – прямо спросил Андрей. – Они все равно закроют дело, ведь Генка мертв, как и сама девица.

– Я *хочу*, чтобы с моего мужа сняли это постыдное обвинение! Кроме того, я *хочу*, Андрюша, чтобы они выяснили наконец, почему он погиб, ведь они приняли одну-единственную версию – об изнасиловании! Если бы эта девушка выжила, неизвестно еще, как обернулось бы дело!

Это верно, ведь мертвый всегда прав. Хотя, Генка тоже мертв, но его-то как раз и считают в этом деле крайним...

– В этой клинике, похоже, не все гладко, – продолжала между тем Тоня.

– Это тебе Генка сказал?

– Да... и нет.

Андрей вопросительно изогнул светлую бровь.

– Понимаешь, он намекал, что в «Сосновом раю» творятся странные вещи, но прямо ни о чем не рассказывал.

– Проблема в персонале, в пациентах, в методах лечения?

Тоня опустила плечи.

– Понятия не имею, Андрюш! Вот потому-то мне и нужен твой ОМР. Вы же занимаетесь такими делами, да?

Андрею не хотелось разочаровывать старую подругу, но, видимо, все же придется это сделать.

– Во-первых, Тонь, – начал он, тщательно подбирая слова, – дело еще не закрыто, насколько я понимаю? Значит, нет причин для вмешательства ОМР – несмотря даже на то, что следствие, как нам с тобой кажется, идет в неверном направлении. Во-вторых... Ты, конечно, не могла этого знать, но в данный момент я нахожусь на больничном и не руковожу Отделом.

– Что это значит?

– Это значит, что теперь ОМР руководит другой человек.

– Но он же из твоей команды? Ты мог бы попросить его...

– И речи быть не может! – мягко прервал ее Андрей. – Отдел возглавил Толмачев.

– Что-о-о?!

Это все-таки стало для нее ударом.

– Господи, как такое могло произойти? – спросила она, оправившись от первого шока. – Этот карьерист, этот моральный урод... Господи, Андрей, куда же смотрит руководство?!

– Не куда, а как – сквозь пальцы, как обычно, – пожал он плечами. – Кое-кому «наверху» очень хочется меня «подвинуть». Знаешь, я ведь не стремился к этой должности, меня вполне устраивало то, чем я занимался, но теперь, когда я нашел людей и механизм заработал, мне невыносима сама мысль о том, что Толмачев занял мое место. Но я ничего не могу поделать, особенно сейчас, когда на носу переизбрание губернатора, и *объективные* обстоятельства мешают мне вернуться к работе.

– Значит, никак? – грустно констатировала Тоня. – А я так надеялась!

Она напомнила ему печальную птицу, опустившую крылья перед лицом собственного несчастья.

– Ну, не падай духом, – сказал Андрей. В его мозгу постепенно оформлялась мысль, которую он покуда не торопился высказывать вслух. – Может, я и смогу кое-что сделать...

* * *

Леонид сидел на парапете, отделявшем газон от дорожки, идущей вдоль его собственного дома, – по ней время от времени проезжали автомобили, – и делал то, чего не позволял себе уже давненько – курил, с наслаждением затягиваясь. Чувствуя, как его чистые легкие наполняются отравленным дымом, напоенным канцерогенными смолами, он ощущал некое странное удовлетворение.

– Отдыхаешь?

Знакомый голос раздался прямо над ним. За секунду до этого Леонид увидел две симпатичные длинные ножки, обутые в тапки с помпонами.

– Угу, – буркнул он, затягиваясь еще раз и выпуская сизый дым через ноздри, как огнедышащий дракон из легенд о короле Артуре.

– А я увидела тебя из окна, – пояснила Настя.

– Я ушел из ОМР.

– Что? – переспросила девушка, подумав, что она ослышалась. – Но почему? Мне казалось, тебе нравилось там работать!

– Это было раньше, – резко поднимаясь, ответил Леонид. – Все изменилось с тех пор, как Лицкявичус загремел в больницу. С Толмачевым я не хочу иметь никаких дел. Представь, он угрожал, что, если я на самом деле выйду из Отдела, он накатает телегу в мою больницу!

– Он может это сделать? – испугалась Настя.

– Может, но мне плевать: в больнице никто не станет читать этот бред!

Настя внимательно посмотрела на Леонида, для чего ей пришлось слегка задрать голову вверх. Желваки на его скуластом лице ходили ходуном, а выступившие на щеках алые пятна говорили о крайней степени раздражения. За тот месяц, что они были вместе, девушка успела неплохо изучить Леонида. Она знала, что его довольно легко вывести из себя, но тупость, недалёковидность и авторитарность начальства приводили ее бойфренда прямо-таки в бешенство. Работая в прозекторской, Леонид обладал значительной независимостью, и начальство не слишком его доставало: непосредственное – потому, что ценило его профессионализм, а вышестоящее – просто потому, что не могло до него добраться, ведь для этого потребовалось бы спуститься «в подвал». Глава ОМР Лицкявичус, насколько понимала Настя, похоже, оказался единственным человеком, кто пользовался у Леонида настоящим авторитетом. Толмачева же он считал пустым местом, а потому не видел смысла ему подчиняться. В то же время она не могла не видеть, что принятое решение далось Леониду тяжело: несмотря на явный недостаток «эмоционального инструментария», он сейчас чувствовал себя отвратительно. Толмачев так мечтал получить место Лицкявичуса, с которым они находились в контрах уже очень давно из-за того, что в свое время Толмачев возглавил несправедливую травлю женщины-врача¹. Теперь его мечта сбылась. Настя знала, что Отдел формировал лично Лицкявичус, именно он подбирал персонал – тех людей, с которыми он хотел работать и на которых мог всецело полагаться. Вице-губернатор, непосредственный куратор новой организации, призванной заниматься сложными вопросами в сфере медицины, не подпадающими под прямую юрисдикцию Комитета здравоохранения. Команда Лицкявичуса успешно справилась с несколькими весьма трудными делами и прекрасно себя зарекомендовала. Тем не менее из-за болезни руководителя, вызванной давним ранением в голову, и необходимости срочного операционного вмешательства, было принято решение о его временной замене. Толмачев оказался как раз под рукой – насколько подозревала Настя, отнюдь не случайно. Пытавшийся вставлять Лицкявичусу палки в колеса в его предыдущем расследовании Толмачев явно выжидал подходящего момента, чтобы аккуратно подтолкнуть главу ОМР и спихнуть его с места.

– Какого черта! – воскликнул Леонид, с ожесточением выбрасывая недокуренную сигарету в урну. – У меня уже есть работа, а ОМР – это же чистая благотворительность.

– А что остальные думают? – осторожно спросила Настя. – Ну, Никита, там, Агния...

– Они еще не знают, – покачал головой Леонид, постепенно успокаиваясь.

Даже странно, но Настя, похоже, оказывала на него тот же эффект, что и хороший седативный препарат. Так повелось с самого начала их знакомства. Еще месяц тому назад Леонид даже не мог представить себе, что сможет провести больше десяти часов под одной крышей с какой-нибудь женщиной, ведь все его романы продолжались не дольше недели и в основном ограничивались постельным «общением». Это его вполне устраивало, а глубокие чувства и долгосрочные обязательства никак не входили в планы патологоанатома. Его собаки с успехом заполняли собою пустоту в доме, и лишний человек не вписывался в его планы на ближайшее будущее. И тем не менее Насте удалось создать вокруг Леонида теплый и мягкий кокон, способный оградить его от нежелательных внешних воздействий. Он чувствовал себя с ней комфортно, и это позволяло девушке надеяться на то, что рано или поздно ей удастся стать для него незаменимой.

---

¹ Читайте об этом в романе Ирины Градовой «Забятая клятва Гиппократ», издательство «Эксмо».

– Кажется, Агния тоже намыливает пятки, – продолжал между тем Леонид. – В этом мы похожи: она не выносит тупость в любом ее проявлении! Никита переживает из-за Лицкявичуса: после операции мы видели его всего пару раз, а с тех пор, как он вернулся домой, домоправитель охраняет его, как Цербер врата Аида. Павел пока помалкивает. Он вообще такой, себе на уме, но, вероятнее всего, просто не хочет, чтобы у Лицкявичуса случились неприятности, пока он нездоров. Толмачев, судя по всему, вполне способен это устроить, если мы все рванем из ОМР одновременно! Остальные... Ну, знаешь, остальные меня вообще мало волнуют, ведь мы почти не знакомы.

Настя познакомилась с другими членами ОМР примерно тогда же, когда впервые встретила с Леонидом. Ее отец умер в больнице – как заподозрили поначалу, в результате врачебной ошибки. Врачи, принимавшие участие в операции, подверглись жестокому преследованию со стороны небольшой группы людей в составе общественной организации «Начни сначала». Эта группа, в которую, как оказалось впоследствии, входил и родной дядя Насти, ставила своей целью физическое устранение медиков, которые, как им казалось, пренебрегали своими прямыми обязанностями в отношении пациентов и не понесли за это заслуженного наказания. Настя понятия не имела, что ее дядя способен на убийство – пусть даже тех, кого он считал виновным!

С тех пор Настя несколько раз виделась с Никитой, хирургом-трансплантологом, с Павлом Кобзовым, известным в городе психиатром, с анестезиологом Агнией Смольской и с самим Лицкявичусом, основной деятельностью которого являлась реконструкционная челюстно-лицевая хирургия. Учитывая замкнутый характер Леонида, Настя сомневалась, что его и всех этих людей связывает настоящая дружба, но если бы Леонид вообще знал, что это такое, то коллеги по ОМР, определенно, считались бы его единственными друзьями.

– Значит, – предположила Настя, – у тебя может появиться немного больше свободного времени, я правильно понимаю?

– А что? – с подозрением поинтересовался Леонид.

– Да я вот тут подумала... Мы никуда не ходим, ты замечаешь?

Это была чистая правда: большую часть времени, не занятого работой, он предпочитал проводить с Настей в постели. Они не ходили в кафе и рестораны, в кино и театр. Леонид об этом как-то не задумывался, но для Насти, похоже, это важно. Важно признание того, что они теперь *вместе*.

– Ну, и куда же ты хочешь пойти? – спросил он.

* * *

Утро выдалось теплым и солнечным. Для питерского пригорода осенью это большая редкость, но нынешняя осень, как и непривычно жаркое лето, стала исключением. Лужайки девственно зеленели, как в начале июня, поздние цветы окрашивали местность во все цвета радуги, повсюду с тихим журчанием работали садовые поливалки и небольшие мраморные фонтанчики. В длинных аллеях, уходивших в глубь обширного парка, не было видно ни одного гуляющего. Сейчас время завтрака, а его здесь пропускать не рекомендуется, ведь целая армия диетологов составляет индивидуальное меню для каждого «гостя», как здесь называют пациентов, и зорко следит за выполнением всех предписаний. Никто обычно не возражает, ведь сюда приезжают именно для того, чтобы избавиться от излишков груза прежней жизни, оставив его за воротами «Соснового рая».

Леонид потянулся, с тоской озирая аллею. Он работает здесь уже больше недели, и до сих пор ничто не нарушило покоя и безмятежности этого места. В принципе, жаловаться-то не на что – зарплата, даже на полставки, выше всяких ожиданий, и повышенный уровень комфорта, о котором любая клиника может только мечтать. Правда, некоторое беспокойство

порою доставляли сексуально озабоченные «гости» женского пола. В другое время, возможно, Леонид не нашел бы никаких возражений против подобного, но сейчас он находился, можно сказать, «на службе», а потому многозначительные пассы в собственный адрес воспринимал, как некое досадное недоразумение. Он вовсе не нуждался в возникновении неприятностей с руководством, которое всячески подчеркивало необходимость сохранения с «гостями» исключительно профессиональных отношений. За любое нарушение можно было легко вылететь отсюда с «волчьим билетом», а Леонид так еще ничего толком и не выяснил.

...Написав заявление об уходе, он промаялся неделю – он даже не представлял, что работа в ОМР имела для него такое большое значение! Леонид не понимал, почему ему так плохо. Возможно, дело в том, что, занимаясь расследованиями в составе группы Лицкявичуса, он ощущал себя полезным и нужным? Его основная профессия не предполагала общения с живыми людьми, и долгое время это Леонида вполне устраивало. Теперь все изменилось. Ему нравилось общаться – по крайней мере, с теми, с кем его столкнула работа в Отделе. И теперь Леонид чувствовал себя потерянным, как путник, ушедший далеко от дома и забывший дорогу назад. Нет, не так! Беда в том, что он прекрасно знал дорогу назад, но ни за что на свете не вернулся бы под начало Толмачева. Поэтому он решил, что со временем все встанет на свои места и тоска по работе в ОМР у него пройдет. Убедив себя в том, что поступил правильно, он начал постепенно успокаиваться, жизнь возвращалась в обычное русло. И надо же было как раз сейчас случиться звонку от Лицкявичуса!

Подъезжая к его дому, Леонид нервничал. О чем, собственно, мог пожелать поговорить с ним бывший начальник? И почему он позвонил лично? Как правило, Вика, их компьютерный гений и по совместительству секретарша Лицкявичуса, связывалась со всеми от его имени, так что Леонид не знал, что и думать! Как водится, по телефону бывший шеф ничего толком не объяснил, просто попросил приехать Леонида, когда у него появится время, но как можно скорее. На самом деле Леонид вполне мог проигнорировать звонок, ведь Лицкявичус больше не является его боссом, более того – он уже не руководит отделом!

Раби встретил его не слишком приветливо, хотя Леониду на это, в сущности, было наплевать: он никогда не мог понять Лицкявичуса в том, что касалось его домоправителя. Он не только впустил этого «человека с юга», как патологоанатом называл его про себя, в собственный дом, но и дал Раби гораздо больше свободы в общении с ним самим, с хозяином, чем мог бы рассчитывать простой наемный работник. Для Леонида такие отношения были бы неприемлемы!

Честно говоря, у него имелась и еще одна причина опасаться этого визита. Леонид боялся увидеть Лицкявичуса в плохом состоянии. Он ненавидел перемены. Привыкнув к тому, что глава ОМР всегда в отличной форме и прекрасно выглядит, он пришел в ужас, когда с ним случился тот приступ. Раньше Леонид и предположить не мог, что босс нездоров – он всегда казался ему неуязвимым, как Ахилл! Теперь же, после тяжелой операции, он не знал, чего ожидать. Возможно, Лицкявичус уже на ладан дышит?

Опасения эти оказались напрасными. Бывший глава ОМР встретил Леонида на ногах. Правда, его кожа казалась бледноватой, на голове красовалась черная вязаная шапочка, отчего Лицкявичус выглядел как лыжник или биатлонист, однако поступь его оставалась твердой, как и до болезни, а взгляд голубых глаз не потерял своей пронзительности. Леонид вздохнул с облегчением.

– Спасибо, что пришли, – сказал Лицкявичус и указал гостю на один из трех бежевых диванов, стоявших в просторном холле, выложенном темно-вишневой паркетной доской. – Это тем более ценно, поскольку я больше не являюсь вашим непосредственным руководителем.

Леонид лишь слегка склонил голову, признавая его правоту.

– Неплохо выглядите, – заметил он. – Признаться, я ожидал худшего.

– Благодарю, но я вызвал вас не для того, чтобы получать комплименты, – сухо ответил Лицкявичус. – Значит, вы решили покинуть ряды ОМР?

– Это так.

– Могу я поинтересоваться о причинах столь радикального решения?

– Можете, но я предпочел бы оставить их при себе.

– Что ж, – усмехнулся Лицкявичус, – примерно такого ответа я и ожидал. Хорошо, что вы больше не связаны с Отделом. Дело, о котором я собираюсь с вами поговорить, личного характера, поэтому вы в любой момент можете отказаться...

– Отказаться – от чего?

Андрей внимательно всматривался в лицо Кадреску. Со времени их первого знакомства прошло больше года, и первое впечатление от этого человека было не самым благоприятным, если не сказать – неприятным. Он не смотрел собеседнику в глаза, враждебно реагировал на любые замечания в свой адрес, не отличался вежливостью и скорее отталкивал окружающих, нежели привлекал. С тех пор Леонид мало изменился, но Андрей чувствовал, что именно *он* ему ровня. Никита – милый и преданный, Паша – лучший друг, Агния... ну, это вообще другое дело, но Леонид – именно тот человек, который умеет принимать правильные решения и идти упорно вперед к их реализации, невзирая на все трудности и опасности. Он ничего не боится, ни перед кем не трепещет и плевать хотел на условности. Конечно, отсутствие понятия о субординации делает этого человека крайне неуживчивым, но его профессионализм с лихвой компенсирует этот недостаток. И поэтому Андрей ни секунды не сомневался, кому следует доверить предстоящее дело, и то, что Кадреску ушел из Отдела, только укрепило его в этом решении. По правде говоря, Андрей злорадствовал в глубине души: Толмачев получил-таки щелчок по носу, и это, скорее всего, только первая ласточка.

– Есть одна женщина, моя старая подруга, – начал он. – У нее появилась проблема...

Когда Лицкявичус закончил вкратце излагать историю Антонины Рубиной, Леонид недоуменно изогнул бровь.

– И зачем вы мне все это рассказываете? – спросил он. – Если я правильно понимаю, произошедшее в клинике, каким бы трагичным оно ни выглядело, никак не касается ОМР. Такими вещами занимается полиция, прокуратура... или кто там еще?

– Насколько я помню, вы у нас человек разносторонних талантов, с кучей дипломов, дополнительных специализаций, и в том числе по нетрадиционной медицине?

– Это правда. Хотя сейчас я занимаюсь именно тем, что мне на самом деле нравится.

– Я понимаю, – кивнул Лицкявичус. – Но вы же практикуете – на дому?

– Случается, – неохотно ответил Леонид. – Правда, не слишком часто.

– Это не имеет значения. Зная вас, я могу предположить, что любое дело вы привыкли делать хорошо.

– Но какое отношение все это имеет к нашей встрече? – все еще недоумевал Леонид.

– Я хочу предложить вам дополнительную работу, раз уж вы ушли из Отдела и теперь свободны.

– Не уверен, что мне нравится эта идея, – пробормотал патологоанатом, подозрительно глядя на своего бывшего босса. – Что у вас на уме?

– Как вы смотрите на то, чтобы поработать на полставки в одном из красивейших мест в пригороде Питера? Это настоящий рай – среди вековых сосен и елей, недалеко от чистого озера... и все такое.

– Вы... просите меня устроиться на работу в этот «Сосновый рай»? – не веря своим ушам, уточнил Леонид. – Им нужен патологоанатом?

– Нет, – покачал головой Лицкявичус. – Врач нетрадиционной медицины. После гибели мужа Антонины это место некоторое время оставалось вакантным, но руководство нашло частичную замену. Однако нужен еще один человек, и им, если повезет, станете вы.

Леонид задумался. В его практике подобная «подсадка» была бы не единственным случаем: он все еще прекрасно помнил случай, когда Агнию Смольскую засунули в Светлогорскую больницу для выяснения обстоятельств исчезновения в ней пенсионеров². Он также не забыл, что та ситуация едва не завершилась для анестезиолога фатально. И теперь, похоже, Лицкявичус собирается втянуть его в подобную авантюру.

– Не скрою, – продолжил тот, видя колебания гостя, – я пытался прощупать каналы ОМР. Безуспешно: Толмачев отказывается даже слышать о «Сосновом рае». Он ссылается на неоконченное следствие, но у меня есть подозрения, что этот человек просто не хочет связываться с клиникой, ведь она пользуется покровительством многих известных людей. Так что одна надежда на неофициальное расследование.

– Что это даст? – спросил Леонид. – У вас нет никаких улик. Да что там улики – даже предположений насчет того, почему эта певичка грохнула доктора!

Лицкявичус едва заметно скривился при слове «грохнула».

– Ну, тут вы ошибаетесь, Леонид, кое-какие предположения у меня все же имеются. Во-первых, эта клиника – достаточно закрытое лечебное учреждение...

– А что, есть и *открытые*? – фыркнул Леонид.

– Это нечто другое. Как я уже сказал, там не столько лечатся, сколько приводят себя в порядок, возвращают себе, так сказать, хорошую форму. Несложные косметические процедуры, мелкая пластическая хирургия, липосакция, контроль веса и так далее. Естественно, люди там лежат известные и, следовательно, не нуждающиеся в огласке. Народу вовсе не обязательно знать, почему их любимая дива в свои пятьдесят выглядит на тридцать пять и почему какой-то там певец-мачо отсутствовал на сцене больше полугода, а потом с триумфом возвратился, сияя, как медный гривенник. Я точно знаю, что Геннадий не делал того, в чем его сейчас пытаются обвинить. Его беспокоило нечто, произошедшее в «Сосновом раю». А потом эта певичка его убила и покончила с собой. Возникает вопрос – почему?

– Совесть ее замучила? – предположил Леонид.

– Вряд ли – если, конечно, принимать во внимание версию следствия об изнасиловании. В такой ситуации, думаю, девица направилась бы прямиком в полицию или к лучшей подруге – поплакаться в жилетку, или же в СМИ, чтобы обеспечить себе дополнительный пиар... А что делает она? Сигает с крыши высотного здания!

– Вы полагаете, она была не в себе? Сумасшедшая телка, убившая доктора... возможно, под действием наркотиков?

– Такая вероятность не исключается.

– Вскрытие проводили?

– Вы же понимаете – не сочли нужным.

– Ну да, ведь факт самоубийства налицо! Меня всегда бесит то, что самоубийцам секцию не проводят... Хорошо, ей – нет, а вашему приятелю ее делали?

– Разумеется. Смерть наступила в результате многочисленных ударов тяжелым предметом по голове и лицу жертвы. Во всяком случае, так гласит отчет судебного медика.

– А что за предмет, можно спросить?

– Вот, сами почитайте, – и Андрей протянул Леониду тонкую бумажную папку.

Тот внимательно изучил фотографию трупа и быстро пробежал глазами по тексту.

– Так, пресс-папье из гипсовой крошки в форме... Странное орудие для убийства, честно говоря! Характер повреждений указывает на крайнюю степень ярости нападавшей. Говорите, Рубина обвиняют в изнасиловании?

Лицкявичус слегка наклонил голову.

---

² Читайте об этом в романе Ирины Градовой «Пациент скорее жив», издательство «Эксмо».

– Что ж, я могу ошибаться, но жертвы изнасилований обычно так себя не ведут. Может, вам проконсультироваться с Кобзевым?

– Уже. Он полностью согласен с вами, хотя и говорит, что только по этому факту трудно судить о случившемся объективно.

– Согласен, этого маловато. Вы серьезно хотите, чтобы я поработал в «Сосновом раю»? Что мне нужно там узнать?

– Понятия не имею, – покачал головой Лицкявичус. – Для начала попробуйте осторожно поболтать с персоналом: наверняка они знают гораздо больше, чем говорят следователю. В таких местах корпоративная этика работает даже сильнее, чем в обычном медучреждении, ведь на карту поставлены очень достойные зарплаты, и от сотрудников требуют соблюдения строжайшей секретности в отношении всего, что происходит в клинике!

– Вы же знаете, Андрей Эдуардович, что я не самый приятный собеседник? Считаете, они будут откровенны со мной?

Андрей уже думал об этом. Да, конечно, Кадреску – это вам не Агния или Никита, и, уж конечно, не Павел Кобзев в том, что касается знания человеческой психологии. Даже с точки зрения налаживания простых рабочих отношений Леонид – отнюдь не пример для подражания. Тем не менее нельзя отрицать, что он обладает многими достоинствами, на фоне которых недостатки становятся не так заметны.

– Мы просто попробуем, ладно? Если вы, разумеется, согласны. Что вы, собственно, теряете? Времени это займет не так уже много, деньги хорошие, работа в целом непыльная. Отнеситесь к ней как к дополнительной халтуре, если хотите. Вы сможете уйти в любой момент, если почувствуете опасность или даже если вам просто надоест – решение целиком за вами. Ничего не выясните – что ж, я допускаю и такой вариант, пусть вас это не беспокоит. Просто мне кажется, что при данных обстоятельствах нельзя упускать такой шанс. Попасть в «Сосновый рай» практически невозможно, он охраняется, как объект ВПК! Я, в свою очередь, попробую напрячь Карпухина, чтобы он держал нас в курсе следствия. Жаль, что делом занимается не он сам, но, в конце концов, нельзя же требовать, чтобы Артем Иванович выполнял всю работу по городу?

Лицкявичус правильно все рассчитал. Леонид Кадреску в душе был авантюристом, как и Агния Смольская или он сам. Под его внешне равнодушной оболочкой скрывалась деятельная и страстная натура.

– А как же... как это называется – моя «легенда»?

– Ничего такого не понадобится. Вы пройдете собеседование под собственным именем и предъявите свои дипломы. Я лишь немного подкорректирую ваши «рекомендации» и все, что относится к «опыту работы», а в остальном все будет зависеть только от вашего профессионализма. Насколько я знаю, вы – единственный, кто сумел вылечить позвоночную грыжу главврачу собственной больницы без оперативного вмешательства?

– Интересно, как вы об этом узнали? – хмыкнул Леонид. – Главный не любит афишировать, что пользовался услугами патологоанатома!

– И его вполне можно понять, – согласился Лицкявичус. – Тем не менее факт остается фактом, поэтому я за вас абсолютно спокоен.

– Хотелось бы и мне обладать вашим оптимизмом!

– Ну, – сказал его бывший босс, не обращая внимания на последнюю фразу Кадреску, – а теперь пора перейти к конкретике.

И вот тут-то до Леонида дошло, что Лицкявичус все это решил и обдумал заранее. И еще он понял, что ни за что не отказался бы от такой авантюры – особенно сейчас, когда больше всего на свете ему хочется утереть Толмачеву нос.

...Леонид и не подозревал, что в России могут существовать заведения, подобные «Сосновому раю». Он читал о них в прессе, видел по телевизору в иностранных репортажах, но

не допускал, что совсем рядом с Питером, можно сказать, у него под носом, располагается столь элитная клиника, куда вход простым смертным заказан. В принципе, это происходило не только из соображений безопасности или банальных понтов – просто у «простых смертных» вряд ли нашлись бы деньги, чтобы оплатить хотя бы одни сутки своего пребывания здесь. Тем не менее Леониду в первый же день после его поступления сюда вручили документ под названием «Подписка о неразглашении». Бумага требовала не просто хранить в тайне все, о чем он мог услышать в стенах клиники, но и запрещала разговаривать с посторонними о «Сосновом рае», обсуждать местные порядки, расписание дня и процедуры. Ну и, разумеется, имена «гостей» значились под номером один в списке запретных тем. И Леонид быстро понял, почему так. Первой пациенткой, пришедшей к нему на прием, оказалась семидесятилетняя примадонна попсы советских времен, чье имя до сих пор постоянно мелькает в глянцевых журналах, как и ее фото. К чести дамы, нужно сказать, что выглядела она ничуть не хуже, чем на снимках, и Леонид не смог бы с уверенностью сказать, обязана она этим клинике или своим собственным генам и тщательному уходу за собой. В сущности, у певицы не было медицинских показаний для акупунктуры, но она пожаловалась на напряжение в мышцах шейного отдела позвоночника, и он не счел возможным ей отказать. С первых же минут общения с ней Леонид сообразил, что дива пришла к нему, чтобы просто навести справки о новеньком докторе.

– Это правда, что вы еще и патологоанатом? – поинтересовалась она после того, как он при помощи направляющей трубки воткнул ей в шею три позолоченных корпоральных иглы.

– Это вас смущает? – ответил он вопросом на вопрос.

– Ничуть. До этого у нас работал один доктор, чьей специализацией являлась онкология! Он был...

Внезапно женщина замолчала, словно бы сообразив, что сболтнула лишнее.

– Не волнуйтесь, – поспешил успокоить ее Леонид, – я в курсе гибели своего предшественника.

– А вы знаете, *как* он умер? – и, не дожидаясь ответа, она продолжила: – Говорят, его забили до смерти, представляете?!

– *Говорят?*

– Ну, слава богу, меня-то тут тогда не было!

Леонид мгновенно потерял к ней интерес. Совершенно очевидно: дива – не тот человек, который способен предоставить ему необходимую информацию. Да она и сама не слишком хотела продолжать беседу на эту тему: гораздо больше женщину интересовал вопрос его семейного положения. Узнав, что Леонид холост, она тихо рассмеялась:

– Вы хотя бы в курсе, что вас ожидает в этом рассаднике нерастраченной женской сексуальной энергии? За вами начнется охота... нет, я вам предсказываю настоящее сафари! Здешнее население обожает симпатичных врачей.

– Я подписал соответствующие документы, – холодно заметил Леонид.

– Ну и что? Все их подписывают, но это еще никому не мешало! Однако, если вы и в самом деле верите в то, что говорите, то честь вам и хвала. Лично я ложусь спать в девять вечера, а потому меня мало волнует все, происходящее позже этого часа за пределами моей комнаты.

Что за «комнаты» в «Сосновом раю», Леонид увидел тем же вечером. Одна из администраторов по имени Лера, видимо, пытаясь произвести впечатление на новенького, устроила ему небольшую экскурсию по клинике. Все номера относились к классу люкс. Они включали две смежные комнаты, гостиную и спальню, светлые и роскошно обставленные, и санузел поистине королевских размеров. На первом этаже располагался огромный тренажерный зал, весь в зеркалах, словно специально для того, чтобы здешние «гости» имели возможность во время тренировки любоваться собой. Кроме того, там находились два бассейна – с морской и пресной водой, – а также кабинеты для разнообразных процедур, включая криосауну и три сверкавшие

чистотой и современной техникой операционные для пластической хирургии. Леонид спросил себя, подписывают ли «гости» бумагу, подобную той, что подписал он, ведь это место – настоящий клад для любого папарацци или скандального журналиста, мечтающего разоблачить какую-нибудь несчастную «звезду», уверяющую, что она остается молодой и красивой исключительно благодаря регулярному употреблению кефира и умыванию ледяной водой по утрам!

– Ну, и как вам? – с гордостью поинтересовалась Лера, завершив обход клиники. – Впечатляет?

– Да, ничего себе, – равнодушно согласился Леонид. Он никогда не придавал большого значения роскоши. Лера явно выглядела разочарованной, видимо, ожидая с его стороны бурных восторгов и поросячьего визга. – А ты работала здесь, когда убили врача?

Она мгновенно покрылась красными пятнами и отвела глаза.

– Да... нет, у меня был отгул в тот день. Господи, это так ужасно, просто сущий кошмар! Знаете, начальство не одобряет разговоров на эту тему, и нам недвусмысленно дали понять, что этот неприятный инцидент нужно забыть как можно скорее.

– А ты знала ту девушку? – не обращая внимания на явную неловкость Леры, спросил Леонид.

– Татьяну Донскую? Да не то чтобы... Она уже несколько раз ложилась в клинику до этого, но мы с ней не очень тесно общались.

– Ей лет-то было... сколько – двадцать? Двадцать два? Зачем же ей сюда ложиться?

– Ой, а то мы их всех не знаем как облупленных! – уперев руки в бока, усмехнулась Лера, и на ее лице появилось выражение превосходства над теми, кто был «гостем» в этом удивительном месте. – У них же у всех вот такой комплекс неполноценности! – и она широко развела руки в стороны, демонстрируя масштабы этой проблемы. – И уши-то у них оттопырены, и глаза-то недостаточно большие, и жира на попе многовато... В общем, на этих ребятах можно делать деньги до самой пенсии, ведь они все равно постоянно будут находить у себя различные недостатки, а мы готовы помочь им справиться с любой неприятностью, неважно, маленькой или большой.

Леонид внимательно, с интересом посмотрел на девушку. У нее, судя по всему, комплексы напрочь отсутствуют, хотя ее толстые коленки, выпиравшие из-под слишком короткой черной юбки, явно можно было бы «подправить», как и тонкие губы, и чересчур выступающий вперед подбородок, не говоря уж о лошадином прикусе желтоватых зубов. Да, Лера уж точно не страдает комплексом неполноценности, в отличие от большинства клиентов «Соснового рая»!

* * *

– Вы... что сделали?

Я не поверила собственным ушам. Лицкявичус только что объявил мне, что он отправил Леонида Кадреску в «Сосновый рай». Так как я сама уже через нечто подобное прошла, то прекрасно понимала, какой опасности подвергается патологоанатом – особенно с учетом странностей его натуры. Мне показалось, что нашего «засланного казачка» раскусят сразу и легко.

С некоторых пор мне стало неудобно встречаться с главой ОМР... вернее, теперь уже с бывшим главой. Просто мне до сих пор так трудно было в это поверить! Именно поэтому я не приходила к нему в больницу, предпочитая поддерживать непрерывную связь с Викой, всегда находившейся в курсе событий. Слова моего мужа о том, что в моем отношении к шефу скрывается нечто большее, чем простое уважение, вначале повергли меня в шок, но потом, признать, заставили крепко задуматься. Я никак не отношусь к натурам ветреным... господи, да какое там – за всю жизнь, помимо моего бывшего, Славки, отца Дэна, я пережила от силы пару-тройку романов! Лариска, моя подруга и наперсница, утверждает, что в сорок лет жен-

щине обычно есть что вспомнить о бурной молодости, а я похожа на выпускницу Института благородных девиц, отданную под крылышко супруга сразу после окончания учебы. В каком-то смысле так оно и есть. Выскочив замуж на первом курсе института, я почти сразу же забеременела и в срок родила сына. Потом я все время разрывалась между маленьким ребенком и учебой в меде, пока Славка безуспешно пытался заниматься предпринимательством. Если не считать букетно-конфетных отношений с мальчиками до свадьбы, после Славки и до Шилова у меня случилось всего одно серьезное любовное приключение, длившееся почти два года. Я до сих пор жалею о том, что связалась с Робертом Караевым, женатым человеком, да к тому же, как потом выяснилось, и нечистым на руку³.

До последнего времени я всегда позволяла мужчинам выбирать меня. Собственные мои чувства и склонности хранились где-то глубоко в душе, и я предпочитала плыть по течению. Но Олега Шилова я выбрала сама – впервые за все время своего сознательного существования на свете, поэтому не сомневалась в том, что нашему идеальному браку ничто не угрожает – по крайней мере, с моей стороны. Однако все изменилось с тех пор, как в моей жизни появился этот отставной полковник военно-медицинской службы – желчный, невыносимый в своих шовинистических замашках, но тем не менее блестящий реконструктивный хирург, писатель, невероятно умный, эрудированный, проницательный... и чертовски привлекательный! Наверное, отдавая должное всем вышеперечисленным качествам Лицкявичуса, я напрочь отрицала последнее, говоря себе, что такой человек ни за что не смог бы мне понравиться. Шилов – такой мягкий и теплый, добрый, честный и домовитый, – являлся воплощением мечты любой здравомыслящей женщины. До недавнего времени я считала и саму себя такой. Теперь же, когда формально Лицкявичус перестал быть моим начальником, я спрашивала себя: что же мне делать? Я убеждала себя, что вступила в ряды ОМР по зову долга, исключительно из желания помогать людям. Однако теперь уже не имело смысла и дальше так обманываться: если бы не харизматическая личность Лицкявичуса, только бы они меня и видели! Толмачев, так внезапно занявший его место, выглядел, прямо скажем, бледно в сравнении со своим предшественником. Насколько я могла видеть, все мои коллеги отнеслись к кадровым перестановкам так же, как и я, и оставалась лишь последняя надежда на то, что Лицкявичус окончательно поправится и вице-губернатор Кропоткина сумеет отстоять его позиции перед вышестоящим начальством из Москвы. Конечно, она не слишком-то его жалует, но все же эта дама обладает достаточной долей здравого смысла, чтобы понимать: Лицкявичус – единственный в своем роде, а потому любая замена оказалась бы неравноценной. Толмачев собрал нас в первый же день своего назначения и сразу дал всем понять, кто теперь в ОМР главный. Тот разговор вызвал у меня и моих коллег весьма неприятный осадок. Выглядело все так, словно новый босс пытался самоутвердиться словесно, не имея возможности как-то иначе продемонстрировать свой авторитет. Говорил он долго и нудно, словно зачитывал некую дурацкую должностную инструкцию. К концу «лекции» я усвоила только один ее тезис, смысл которого заключался примерно в следующем: неукоснительно выполнять указания начальства, не проявляя ни малейшей инициативы, при этом шаг вправо или влево будет расценен как побег и наказан расстрелом на месте. После этого я твердо решила, что уйду из ОМР. Почему я не написала заявление сразу? Наверное, надеялась на чудо. Полагала, что там, «наверху», увидят, какую «колоду» нам поставили вместо Лицкявичуса, и уберут Толмачева сами. Однако пока что этого не произошло, и я не сомневалась, что Толмачев ни за что не уступит это место, единожды заняв его. Наверняка он надеялся если не на смерть Лицкявичуса на операционном столе, то как минимум на пожизненную потерю трудоспособности Андрея Эдуардовича. Ходили слухи, что, прослышав о выздоровлении своего предшественника, Толмачев принялся настаивать на

³ Читайте об этом в романе Ирины Градовой «Окончательный диагноз», издательство «Эксмо».

его медицинском освидетельствовании, утверждая, что Лицкявичус не в состоянии вернуться к своим прежним обязанностям.

Поэтому сейчас я просто не могла не воспользоваться шансом увидеть бывшего босса. Я говорила себе, что просто хочу посмотреть, насколько он оправился, и можем ли мы надеяться на «свержение» Толмачева и «реставрацию» Андрея, однако в глубине души понимала, что дело не только в этом. Олегу о нашей предстоящей встрече я ничего не сказала.

К счастью, Лицкявичус выглядел вполне прилично, учитывая тяжесть перенесенной им операции. Шилов-старший, нейрохирург, оперировавший его, предупреждал, что впоследствии могут возникнуть осложнения, похожие на те, что случаются после инсультов, – нарушение или даже частичная потеря речевых и двигательных функций, проблемы с кратковременной памятью и тому подобное. К моему великому облегчению, ничего подобного не произошло. Но причина, по которой он меня вызвал, признаюсь, повергла меня в шок. Раби прикатил столик на колесиках, уставленный восточными сладостями, памятуя о том, что они мне всегда нравились, а я все сидела с приоткрытым от изумления ртом.

– Поймите, Агния, я могу обратиться только к вам, – сказал между тем Лицкявичус. – Ведь вы уже имеете некоторый опыт...

– Но почему *Леонид*?! – перебила я его. – Из всех людей, кто подошел бы для выполнения подобного задания, он – самый странный выбор, вы не находите? Он же патологоанатом, а не практикующий врач! Леонид не умеет общаться с людьми, он может начать действовать так, что никто не сумеет предсказать его поступков...

– Как будто вы сами действовали иначе! – фыркнул Лицкявичус, и я, наверное, покраснела, признав справедливость этого упрека. Действительно, если бы не мои коллеги по ОМР, я едва ли выжила бы в Светлогорской больнице, пытаясь разыскать пропавших пенсионеров⁴.

– Леонид уволился из ОМР, – пояснил он. – Толмачев больше не контролирует каждый его шаг. Кроме того, только Леонид обладает всей необходимой квалификацией. Вы же понимаете, что в «Сосновом раю» не нужны хирурги-трансплантологи, как, например, Никита, а анестезиолог там всего один, и он в штате уже лет восемь. Просто счастье, что за целый месяц им не удалось найти замену убитому врачу! Это позволило мне предложить Кадреску поработать, так сказать, «за интерес», и он согласился. Вы с Леонидом похожи гораздо больше, чем может показаться с первого взгляда, – продолжил Лицкявичус. – И вы – единственная, с кем он общается более или менее легко. Не знаю, чем уж вы подкупили Кадреску, но – факт остается фактом.

– Но чего вы от меня хотите? – никак не могла я взять в толк.

– Подстрахуйте его немного.

– Каким образом?! Самой лечь в клинику?

– Ни в коем случае! Если Тоня... Антонина Рубина подозревает, что дело в «Сосновом раю» нечисто, то это может оказаться опасным. Достаточно того, что я подвергаю риску Леонида.

При повторном упоминании о таинственной Антонине я едва не вздрогнула. От меня не укрылся тот факт, что Лицкявичус назвал ее уменьшительным именем, а потом как-то сразу смутился и поспешил исправиться. Что мне о ней известно? Только то, что она – его «старая подруга». Что я вообще знаю о своем бывшем шефе? Он разведен и имеет дочь, от которой одни лишь проблемы. В последний раз она попала в мою больницу, избитая своим сожителем, которого полиция разыскивала по всему городу! А эта Антонина... Когда Лицкявичус говорил о ней, в его голосе зазвучали странные нотки, которые я истолковала как нежность. Порождены ли они ностальгией по его молодости, или... Голос Лицкявичуса вернул меня на землю.

---

⁴ Читайте об этом в романе Ирины Градовой «Пациент скорее жив», издательство «Эксмо».

– Я лишь хочу, чтобы вы помогли Кадреску не терять связи с внешним миром. Это для него проблема: я еще немного не в форме, а с другими коллегами он отношений не поддерживает, поэтому остаётся только вы. Позванивайте ему, возможно, придется вам пару раз с ним встретиться, если появятся какие-то подвижки в этом деле. Чутье не должно вас обмануть: как только почувствуете опасность, сразу же сообщите мне! Кадреску и в самом деле может не заметить очевидных вещей, но вы из разговоров с ним сумеете понять, все ли в порядке. Кроме того, меня беспокоит эта его новая пассия...

– Настя?

– Вот видите, вы даже знаете ее имя, а ведь никто из нас и понятия о ней не имеет!

– Значит, вы не слишком-то внимательны, – с сарказмом заметила я, не упуская случая подколоть Лицкявичуса, мстя ему за подобные уколы в мой адрес с его стороны.

Но, похоже, сегодня Лицкявичус не был расположен к пикировкам такого рода, потому что сказал:

– Возможно, вы правы. Так как, вы согласны?

– Я не знаю, Андрей Эдуардович. Дело в том, что...

Я хотела сказать, что и сама собираюсь последовать примеру Леонида. Представляю себе, как вытянется бесцветное лицо Толмачева, когда я шлепну ему на стол заявление об уходе! Но потом мне вдруг пришло в голову, что Лицкявичус может истолковать это таким образом, что я ухожу из-за него.

– Да? Вы не договорили, Агния, – в чем дело?

– Н-нет, ни в чем, – быстро ответила я.

– Насколько я понял, вы сейчас не слишком перегружены работой. Артем Иванович говорит, что вроде бы Толмачев вас не особенно задействует?

Это уж точно! Толмачев пытался «разбить» нашу команду, тогда как Лицкявичус – до него – старался нас сплотить. Новый шеф принимал нас поодиночке или по двое, но никогда не собирал вместе всю группу. Ни на одной из встреч не присутствовал майор Карпухин, наш следователь-координатор, словно Толмачев намеренно старался оборвать нашу с ним связь. В сущности, я ничего не потеряю, выполняя просьбу Лицкявичуса, даже если мне и придется пропустить парочку этих идиотских «летучек», на которых обычно звучал только зычный голос нового руководителя Отдела!

* * *

Если Леонид работал в «Сосновом раю» в пятницу, то в ночь на субботу он обычно оставался в клинике, в своем номере на этаже для персонала: возвращаться в город ночью не имело большого смысла. Вопреки его собственным ожиданиям работа Леониду нравилась. Несмотря на то, что он имел дело с известными, очень влиятельными или просто богатыми людьми, они, как правило, вели себя достаточно адекватно и уважительно. Правда, пару раз Леонид стал свидетелем их неприятных стычек с горничными, но медицинский персонал пользовался здесь непререкаемым уважением. Как и предсказала ему пожилая дива в один из первых дней его работы здесь, за Леонидом началась настоящая охота. Изнывавшие от скуки «звезды» жадными глазами разглядывали нового доктора в надежде завязать ни к чему не обязывающий романчик, чтобы просто скоротать время. Но Леонид оставался тверд, как скалы Норвегии, а это распаляло желающих развлечься еще сильнее. Являясь на процедуры, молодые и не очень молодые девушки и даже некоторые мужчины открыто флиртовали с ним, пытаясь прощупать, насколько новичок готов нарушить строгие правила заведения. Вот и сегодня пришедшая на рефлексотерапию актриса БДТ, дама балзаковского возраста, не слишком привлекательная, но невероятно ухоженная и манерная, тягучим писклявым голосом задавала дурацкие вопросы.

– Ой, а это не больно? – высоко поднимая вытатуированные брови, спросила она, всем своим видом старательно демонстрируя испуг. Интересно, она и в самом деле хорошая актриса?

– Нет, – коротко ответил Леонид, раскладывая иглы в ряд и подбирая необходимую длину рабочей части.

– А в обходном листке написано «су-джок терапия» – это что значит?

– Это разновидность тибетской акупунктуры. – Голос Леонида звучал скучно и монотонно, словно он читал лекцию в немецком университете. – В основе метода лежит система соответствия. Кисть и стопа подобны человеческому телу: большой палец – голова и шея; указательный и мизинец – руки; средний и безымянный – ноги; тыльная сторона кисти – спина и так далее.

– О! – озадаченно произнесла актриса – то ли потому, что мало что поняла, то ли из-за укола иглы, мастерски введенной Кадреску. – И это действительно помогает?

– Если в какой-то области есть патологический процесс, то сигнал направляется из пораженных органов или частей тела в точки их соответствия на стопах и на кистях. В момент стимуляции таких точек с помощью особых игл, тепла, света и гомеопатических препаратов возникает лечебная волна, которая оказывает нормализующее влияние на заболевшие органы.

– А это не опасно? – не унималась женщина.

– Ни в коей мере, – спокойно, но уже начиная раздражаться, ответил Леонид: она вполне могла почитать о су-джок терапии в брошюре, выдаваемой каждому «гостю» клиники. Кроме того, из «истории пребывания» (так здесь именовали историю болезни) актрисы в «Сосновом раю» он выяснил, что эта процедура – одна из последних, что означает ее достаточно хорошее знакомство с иглоукалыванием и рефлексотерапией вообще. – Мы используем иглы очень маленького размера, чтобы не повредить сосудистые и нервные сплетения на кисти и стопе.

– А я не получу заражение крови случайно? Ведь эти иголки... китайские, да?

– Мать моя, женщина! – еле слышно выругался Леонид. «Может, она думает, что эти иглы куплены на вещевом рынке?» – подумал он.

– Верно, они китайские, но сделаны из металла высшего качества. Нержавеющая сталь, золотое и серебряное покрытие. Сначала игла полируется на автоматическом оборудовании, затем проводится ее затачивание. Все иглы проходят очистку ультразвуком и упаковываются полностью автоматически, что обеспечивает отсутствие любого загрязнения от соприкосновения с рукой че...

– Понятно-понятно, – вздохнула актриса, решив, что уже утомилась от этого потока информации. – Вы женаты?

Неожиданный переход от профессионального к личному настолько сбил Леонида с толку, что он едва не воткнул иглу не в то место.

– Н-нет, – пробормотал он тем не менее.

– Как же так? – оживилась дама, хотя ей и было трудновато двигаться в положении лицом вниз. – Такой симпатичный мужчина? Как-то не верится!

– А вы сами-то замужем? – сердито поинтересовался Кадреску.

– В данный момент я совершенно свободна, – промурлыкала актриса. – Мой последний, пятый, брак слегка не удался, видите ли...

То есть предыдущие четыре, надо понимать, оказались на редкость удачными? Женщина настолько утомила Леонида, что к концу получасовой процедуры он чувствовал себя как изношенный до дыр башмак в тележке старьевщика. К счастью, в этот день она оказалась последней пациенткой, и он ощутил настоятельную необходимость прогуляться в спортзал. Часы показывали половину десятого, и можно не бояться наткнуться на «гостей»: после ужина они обычно разбредаются по своим комнатам смотреть телевизор или выходят в сад, погулять и поиграть в карты или настольный теннис. Как и ожидалось, гимнастический зал обезлюдел, и Леонид

с наслаждением принялся за тренировку. Ему не требовались услуги тренера: за пятнадцать лет регулярных занятий Кадреску досконально изучил каждую мышцу собственного тела. Он знал, какую нагрузку им следует давать, на каких именно тренажерах развиваются трицепс, бицепс, продольные и поперечные мышцы. За все эти годы он не пропустил ни единого дня занятий, за исключением двух недель, проведенных в больнице во время тяжелого воспаления легких. Стероидов Леонид не принимал, а потому не превратился в бесформенную грудку литых мышц, на которой любой костюм сидит, как кусок мешковины на стоге сена. Его длинное тело с широкими покатыми плечами и тонкой талией танцора было сильным, жилистым и с анатомической точки зрения безупречным.

Он позанимался на беговой дорожке минут десять, провел полчаса на велотренажере последнего поколения и собирался уже перейти к штанге, как вдруг услышал восторженный возглас:

– Отличные мышцы живота и ягодиц! Давно тренируетесь?

Обернувшись, он увидел невысокую молодую женщину с темными волосами, стянутыми на затылке в конский хвост. Ее внешность поразила Леонида: длинные крепкие ноги и сильные рельефные руки, небольшая, но красивой формы грудь, длинная шея – тело амазонки, как он их себе представлял. Сколько ей может быть лет – тридцать, тридцать пять? В голосе женщины, при всей двусмысленности ее высказывания, не улавливалось сексуального подтекста, лишь профессиональный интерес.

– Давно, – кивнул Леонид после паузы, в течение которой успел как следует рассмотреть женщину. – А вы?

– Всю жизнь! – рассмеялась она. – Я здешний специалист по ЛФК и заодно – тренер в тренажерном зале. А вы, наверное, новый рефлексотерапевт?

– Так и есть, – согласился он и представился: – Леонид Кадреску.

– Да я в курсе: наши тетki только о вас и болтают!

– Неужели?

– Даже не сомневайтесь. Персонал здесь меняется крайне редко, поэтому любое новое лицо мгновенно становится объектом для пересудов. Кстати, меня зовут Лариса. Вы собирались заняться штангой? – сменила она тему. – Хотите, помогу?

Отказываться Леонид не стал и с готовностью улегся на лежанку, позволив тренерше подстраховать его. Минут десять он молча тягал штангу, а Лариса следила, чтобы все было в порядке. В течение этого времени они едва перебросились парой-тройкой фраз. Это понравилось Леониду: ведь женщина, умеющая держать язык за зубами, – большая редкость! Настя, к примеру, имела множество положительных качеств, но ее непомерная болтливость порою доводила его до состояния иступления. Леонид никогда не позволил бы себе поднять руку на женщину, как бы сильно она ни раздражала его, поэтому дома он находил спасение в долгих прогулках с собаками, во время которых мог побыть один и отдохнуть от бесконечной говорильни.

– Персоналу разрешается пользоваться бассейном? – поинтересовался он, когда Лариса помогла ему наконец положить штангу на держатель.

– После девяти вечера, когда он закрывается для «гостей». Но я вам настоятельно рекомендую пораньше вставать: ночью происходит чистка и продувка, поэтому в пять-шесть часов утра вода еще абсолютно чистая!

– Спасибо за совет. А почему вы сказали, что персонал в вашей клинике меняется редко?

– Я, например, работаю здесь уже девять лет, а большинство моих коллег, включая медсестер, нянечек и даже поваров и уборщиков, – и того дольше.

– Значит, вы хорошо знали Геннадия Рубина?

Лариса внимательно посмотрела на него.

– Почему вас это интересует? – спросила она, слегка напрягшись.

– Ну, он же как-никак был моим предшественником... Разве это так уж странно, что меня интересует все, что связано с этим человеком, – особенно учитывая факт его ужасной смерти?

Лариса вроде бы вновь расслабилась. Леонид между тем не мог оторвать взгляда от соблазнительных изгибов ее тела, облаченного в облегающий спортивный костюм, выгодно подчеркивающий достоинства ее фигуры. Легкий загар, явно полученный не в солярии, а оставшийся с лета, а потому выглядевший естественным, придавал облику женщины здоровый вид.

– Вы правы, это ужасно! – согласилась она, погрузнев. – Гена был хорошим человеком, хоть и говорят...

– А что говорят?

– Вы разве не знаете? – удивилась Лариса.

Леонид постарался придать лицу недоуменное выражение.

– Что ж, история неприятная... Поговаривают, что Геннадий то ли изнасиловал, то ли пытался изнасиловать одну из здешних «гостей», певицу Татьяну Донскую.

– Да вы что?!

– Вот-вот, – закивала тренерша. – Зная Гену, я просто не могу себе такого представить, понимаете?

– А эта певичка...

– Донская? Между прочим, она была совсем неплохой певицей, зря вы так, – покачала головой Лариса. – Одна из немногих, кто не зря открывал рот на сцене.

– Она была... адекватной? Ну, она же напала на Рубина, так? Думаете, человек в здравом уме способен так поступить?

– Даже не знаю, что вам и сказать! Глядя на Татьяну, никто не заподозрил бы помешательства.

– Насколько я понимаю, версия об изнасиловании основана на показаниях какой-то медсестры? – продолжал Леонид, хотя и чувствовал, что, пожалуй, он может вызвать подозрения со стороны тренерши своими слишком настойчивыми вопросами. Хотя она работает здесь давно, лично знала и Геннадия Рубина, и Татьяну Донскую, а потому может оказать ему неоценимую помощь в получении информации. Поэтому он решил проигнорировать опасность. Лариса между тем ответила, как ему показалось, с неохотой:

– Да, была тут такая, Оля ее звали... точно, Оля.

– Была?

– Пропала куда-то, представляете? Постоянно крутилась здесь, обожала с «гостями» общаться, сплетница, каких свет не видывал! А потом смотрю – нет ее.

– И куда же она, по-вашему, делась?

– Бог ее знает! – развела руками Лариса. – Честно говоря, я не спрашивала, ведь мы не очень-то тесно общались. Хотя... это странно, верно?

– Немного, пожалуй, – согласился Леонид, а про себя подумал: «Не просто странно, а прямо-таки удивительно! Единственный свидетель обвинения покойного Рубина исчез в неизвестном направлении – а следствие продолжается, вопреки тому, что и «преступник», и жертва мертвы!»

– Ну, что, пойдём в бассейн? – предложила Лариса. – Там сейчас ни души – зуб даю!

* * *

Мне сразу понравился этот маленький ресторанчик под странным названием «Квартира № 268» – видимо, у владельцев все в порядке с чувством юмора. В нем насчитывалось от силы штук восемь столиков, а интерьер и в самом деле соответствовал обстановке среднестатистической квартиры шестидесятых: нарисованные на стене платяной шкаф, диван и старый теле-

визор навевали ностальгические воспоминания, а столики покрывали чистые белые скатерти без рисунка. Единственная официантка, одетая в форму заведений общепита того времени, неторопливо сновала по небольшому, но уютному помещению. И действительно – куда торопиться, ведь в этот послеполуденный час в ресторане обедали всего трое клиентов, и двое из них – я и Карпухин.

Майор изначально вошел в состав ОМР против своей воли. А кому понравится, когда к твоей основной работе насильственно добавляют дополнительные обязанности за чисто символическую, особенно на первых порах, плату? Кроме того, сдается мне, Карпухин не верил в возможность плодотворного сотрудничества с медиками, людьми, далекими от проблем правоохранительной системы и живущими в казавшемся ему каким-то особым, изолированным от большинства населения мире. Однако теперь все изменилось, и для всех нас майор стал именно тем человеком, к которому всегда возможно обратиться в трудный момент – и не только по работе.

– Значит, Ольга Малинина, – пробормотал он, занося имя в свой блокнот. Меня всегда интересовало, зачем он это делает. Майор имел невероятную память и никогда ничего не забывал. Тем не менее он постоянно что-то записывал. – Надо проверить эту медсестру. Все-таки Андрей правильно поступил, отправив в клинику своего человека: я так и не смог узнать ее имя, как ни старался. Как будто идет подготовка к громкому судебному процессу где-нибудь в Штатах, и защитой свидетеля занимаются ФБР и ЦРУ, вместе взятые. В нашем-то случае суда вообще не предвидится!

– Значит, вы разговаривали со следователем, ведущим дело Рубина? – спросила я.

– Да уж, куда деваться-то было? Мужик, скажу я вам, Агния, неприятный. Скользкий какой-то: ни «да», ни «нет» не говорит, виляет, на вопросы практически не отвечает. В общем, у меня создалось такое впечатление, что что-то в этом деле действительно не так и подружка Андрея не зря подозревает нечистое.

Я почувствовала, что мне неприятно даже простое упоминание о таинственной Антонине Рубиной. Какую роль в жизни Лицкявичуса играет она теперь, по прошествии стольких лет? Почему она обратилась именно к нему и почему он с готовностью согласился ей помочь?

– Но мне все же удалось кое-что выяснить, – продолжал Карпухин. – Как говорится, не имей сто рублей... Так вот, поначалу руководство «Соснового рая» пыталось скрыть тот факт, что Рубин был убит.

– Как это? – не поняла я.

– Они даже предложили его жене кругленькую сумму, чтобы она согласилась на формулировку «несчастный случай», но она отказалась.

– Но каким же образом они собирались это проверить, ведь, насколько я понимаю, имелась свидетельница, да и сам Рубин никак не мог ударить себя по голове несколько раз!

– Не знаю, но такое предложение поступило – из песни слов не выкинешь. Едва лишь Антонина отказалась участвовать в фальсификации, и тут же, словно из-под земли, возникла свидетельница «изнасилования»! Если доктор, как утверждают, не давал Донской проходу, то непонятно, почему она молчала? Она вполне могла пожаловаться на домогательства Рубина и раздуть скандал, который очень способствовал бы ее «раскрутке»: вы ведь знаете, как такие вещи ускоряют рост чьей-либо популярности! С другой стороны, если прецедент случился лишь однажды, в тот самый день, а она, предположим, именно за это его и убила, а потом бросилась с крыши высотки, то вновь возникают два вопроса. Во-первых, Татьяна Донская – девушка с прошлым. Одно время она даже подрабатывала в службе эскорта, а потому, полагаю, ее моральные устои далеки от тех, какие имела дама девятнадцатого века, силою лишенная девственности и предпочитающая смерть бесчестью. Во-вторых, если принять эту версию, то как, позвольте поинтересоваться, успела возникнуть свидетельница? Девушка сразу же сбежала,

а со слов Ольги Малининой известно, что об изнасиловании она узнала лично от Донской! Когда же певица ей об этом рассказала?

– Значит, медсестра не была непосредственной свидетельницей? – уточнила я.

– Разумеется, нет, ведь все произошло поздно вечером.

– А что, извините меня, певица делала поздно вечером в кабинете рефлексотерапевта?

– То-то и оно, Агния Кирилловна, – закивал майор. – То-то и оно! И потом... Видел я эту Донскую – полтора метра с кепкой, тонюсенькая, как спичка. А Геннадий Рубин весил девяносто восемь кило, между прочим!

– И как же она с ним справилась?

– Вот вам и еще один ребус! Если бы, скажем, она ударила его спящего, я мог бы еще это понять, но, судя по отчету криминалиста, Рубин был полностью одет. Итак, субтильная барышня весом в сорок восемь кэгэ аки дикая тигра кидается на огромного Рубина с тяжеленным пресс-папье и забивает его насмерть?!

В это действительно верилось с трудом, если, конечно, не принимать во внимание некие сверхъестественные силы, которые могли внезапно завладеть телом и разумом девушки.

– А как там Кадреску вообще? – неожиданно сменил тему майор.

– Да ничего вроде бы, – пожала я плечами. – Переживает, что ничего путного пока не выяснил. Не привык он с людьми работать, понимаете, Артем Иванович? Честно говоря, я за Леонида переживаю: если в «Сосновом раю», как вы говорите, не все чисто, то он, возможно, подвергается реальной опасности!

– Ну, он взрослый мальчик, Агния Кирилловна, – возразил Карпухин. – Кроме того, Андрей ясно дал понять, что, едва запахнет жареным, Кадреску надлежит немедленно покинуть клинику.

Однако меня эти слова не успокоили. Кто, как не я, знал не понаслышке, что азарт убивает чувство осторожности. Когда глубоко погружаешься в расследование, становится все труднее и труднее контролировать эмоции и трезво оценивать положение вещей. В мою голову полезли рассказы о дайверах, которые специально ищут встречи с акулами, чтобы сделать незабываемые снимки. Они подманивают мясом, обильно истекающим кровью, а потом ныряют в непосредственной близости от пожирающих угощение хищников. И кто может предсказать, удовольствуются ли они мясом животных или предпочтут испробовать человечинки? Леонид сейчас находился примерно в том же положении: он нырнул в бассейн с акулами и начал разбрасывать наживку. Кто знает, какая рыба на что клонет?

* * *

Леонид уже успел полюбить эти утренние часы занятий гимнастикой таньчжон с Мишей Кимом. Первое время он просто бегал трусцой, и каждый раз видел корейца, в одиночестве делающего пассы руками, на лужайке в любую погоду. Его движения были медленными и плавными, словно он никуда не торопился, словно ничто на свете не смогло бы заставить его прервать это занятие. До этого Леонид не занимался корейской гимнастикой, но он никогда не возражал против нового опыта. Поэтому, когда Ким, заметив раннего бегуна, поинтересовался, не желает ли тот присоединиться к нему, патологоанатом охотно согласился. Михаил Ким в «Сосновом раю» новичком не являлся – так же, как и большинство персонала. Если Лариса вела лечебную физкультуру и тренажерный зал для молодых «гостей», то кореец в основном имел дело с пожилыми клиентами, которые не выдерживали больших нагрузок. Однако Леониду он волынить не позволял. Вот и в это хмурое, но свежее сентябрьское утро Миша выжимал из Кадреску все что возможно.

– Не тормози! – весело прикрикнул он на Леонида, ни на секунду не прерываясь. – Еще десять минут как минимум!

Патологоанатом и представить себе не мог, что кажущаяся простота и легкость таньчжон способна так изматывать. Боковым зрением взмокший от пота Леонид уловил какое-то движение на посыпанной гравием дорожке, ведущей к главному входу. По ней шел невысокий человек в ярко-красной куртке со спортивной сумкой в руке.

– Не отвлекайся! – одернул Леонида Миша. – Это вредно для твоей внутренней энергии: она должна свободно перетекать по всему телу, а ты ее стопоришь!

– Кто это? – не обращая внимания на слова корейца, спросил Леонид. – Слишком рано для «гостя»!

– Да они раньше девяти здесь не поднимаются! – согласился Ким со вздохом, поняв, что его ученик окончательно утратил контроль над своей «внутренней энергией» – по крайней мере, на сегодня. Было без пятнадцати семь. – Это твой коллега, между прочим, Денис Розбаш.

– Коллега? А разве он должен здесь сейчас находиться?

– Вообще-то нет, – задумчиво пробормотал Миша, набрасывая куртку: если не двигаться, тогда мгновенно становилось холодно. – Он работает в те дни, когда тебя нет, и сменщики обычно не встречаются. Может, он что-то забыл... А тебе-то что за дело?

Узкие, но проницательные глаза Кима с интересом смотрели на Леонида. Надо было как-то выкручиваться.

– Ну, мне все покоя не дает смерть Рубина, знаешь ли...

– Оно и понятно, – кивнул кореец, погрузившись. – Страшная трагедия! Но не волнуйся: вообще-то здесь спокойное место, такие вещи не происходят каждый божий день.

– А этот Розбаш – он работал здесь с Рубиным?

– Да. Правда, они друг друга недолюбливали.

– И в чем было дело?

– Трудно сказать, – пожал плечами Михаил. – Знаю только, что Денис хотел подмять под себя всю нетрадиционную медицину – и мою часть тоже, представь себе! Ему деньги нужны, вот он спит и видит, как бы заполучить побольше часов. Но начальству-то выгоднее держать нескольких специалистов – на все вкусы, так сказать. Кому-то из «гостей» нравится врач с узкими глазами, потому что они считают, что он более аутентичен, нежели круглоглазые специалисты в той же области. Другие, наоборот, терпеть не могут таких, как я, и предпочитают парней вроде тебя. Розбаш – просто еще одна пуля в обойме.

«Интересный образ!» – промелькнуло в голове у Леонида.

– И в самом деле, странно, что он тут появился в такую рань, – проговорил Михаил, глядя, как Денис Розбаш входит в двери главного корпуса.

* * *

– Агния, какие у вас планы на ближайшие выходные?

Именно с этого вопроса Лицкявичус начал наш с ним телефонный разговор в четверг после работы.

– Э... – пробормотала я, пытаясь сообразить, как бы мне пообщаться с бывшим боссом, не привлекая внимания Олега.

Он себя от счастья не помнил с тех пор, как Толмачев занял место Лицкявичуса, потому что это в его глазах, как, впрочем, и в глазах всего действующего состава ОМР, означало скоростную гибель Отдела. Не то чтобы Шилов открыто высказывал свои возражения в отношении моей дополнительной работы, но я знала, что он ее не одобряет. Толмачев же меня явно недолюбливал – это замечалось невооруженным глазом. Очевидно, он ошибочно считал, что я являюсь человеком, особо приближенным к его непримиримому врагу, а потому относился ко мне с большим подозрением. По этой причине он делал все для того, чтобы не задействовать меня в работе Отдела. Думаю, он, конечно, побаивался, что мы все одновременно можем

побросать на стол свои удостоверения и написать заявления об уходе, но и одновременно желал этого. Если бы так произошло, Толмачев получил бы по шапке, но зато потом заново уком-плектовал бы ОМР людьми, которые смотрели бы ему в рот и делали все, что он прикажет.

Я вышла в коридор с трубкой у уха, а оттуда передислоцировалась в кухню.

– А в чем, собственно, дело? – поинтересовалась я, убедившись, что Олег ничего не услышит.

– Артем Иванович нашел медсестру.

– Ольгу Малинину? Где?

– В Москве. Оказывается, она туда переехала, примерно месяц тому назад.

– Как интересно – именно тогда, когда...

– Вот именно – когда убили Геннадия Рубина! Ситуация по меньшей мере странная, не находите? Убивают врача клиники, где работает Ольга, она становится главным свидетелем обвинения – и тут же таинственным образом исчезает. Ее показания подшиты к делу, а сама девушка неожиданно срывается с места!

– Но как можно исчезнуть с такой легкостью и за столь короткий срок? – с недоумением спросила я. – У любого же человека есть знакомые, друзья, квартира...

– Квартиры-то у нее как раз и не было, – ответил Лицкявичус. – Жила у тетки, и та утверждает, что племянница снялась с якоря как-то в одночасье, ничего практически не объяснив.

– Может, кто-то запугал Ольгу?

– Возможно, но тетка говорит, что ничего такого не заметила. Напротив, девушка, казалось, выглядела довольной.

– Вот здорово: убит ее коллега и, судя по всему, ее приятельница, Донская, с которой Ольга поддерживала доверительные отношения, а она довольна?!

– В любом случае, сидя в Питере, мы ничего не выясним. Так как насчет ваших планов?

– Вы хотите, чтобы я съездила в Москву?

– Если вы не против.

Обычно Лицкявичус ведет себя более настойчиво. Может, он понимает, что я, как и Леонид, занимаюсь этим делом исключительно из любви к искусству? Если только Толмачев прознает о наших эскападах, то и заявления не понадобятся – вылетим мы из ОМР под громкие и продолжительные аплодисменты нового начальника!

– Ни за что не поеду в плацкарте! – предупредила я.

– «Александр Невский» вас устроит?

– Кто-кто?

– Билет вам Вика подвезет, минут через пятнадцать. Да, кстати, лучше начинайте-ка собирать сумку: если повезет, Вика вас и до вокзала подбросит.

– То есть... что, сегодня надо ехать, что ли?!

– А как же? Куй железо, пока горячо: завтра может быть уже поздно.

И он, следуя своему обыкновению, бросил трубку. Да, рановато я решила, что операция и болезнь сделали Лицкявичуса мягче и человечнее! Он заранее все спланировал, и этот звонок являлся всего лишь предупреждением – не слишком-то упреждающим. Он знал, что я не скажу «нет»: во-первых, потому что пожалею его, а во-вторых, потому что уже заинтересовалась этим делом. За то время, что ОМР руководит Толмачев, я застоялась, как лошадь в конюшне, которую давно не выводили из стойла. Моему организму жизненно необходим адреналин – я обнаружила эту зависимость не так давно, с тех пор, как стала работать в Отделе... И как же мне все это объяснить Шилову, причем быстро и доходчиво, потому что, судя по словам Лицкявичуса, Вика скоро будет здесь?!

* * *

В жизни не видела таких поездов и уж точно не забуду «Александра Невского», даже если на старости лет меня хватит Альтигеймер! Если его внешний вид просто вызывал чувство глубокого удовлетворения из-за того, что в моем родном городе есть такое чудо науки и техники, то интерьер прямо-таки напрочь выбивал дух, стоило лишь подняться в вагон и гордо предъявить билет сияющей проводнице. В самом деле, здесь, похоже, рады каждому пассажиру – вот он, «коммунизм в действии»! Правда, цены-то отнюдь не коммунистические: на билете стояло число «5300 р.», и я ужаснулась, подумав, что Лицкявичус, скорее всего, заплатил за мою поездку из собственного кармана. Конечно, бывший босс вполне может это себе позволить, но не хочется думать, что он считает меня такой уж капризной! С другой стороны, вряд ли еще когда-нибудь мне посчастливится прокатиться в таком шикарном поезде, а потому я решила загнать свою вопящую совесть поглубже под свитер и, улыбнувшись в ответ проводнице, вошла в тамбур. Красные ковровые дорожки – не те, протертые до дыр, что обычно лежат в тамбурах всех наших поездов, а новенькие, с золотой вышивкой по краю – встречали каждого пассажира, независимо от заслуг перед Отечеством. Наверное, я была здесь самой бедной пассажиркой, и в этом мне очень скоро предстояло убедиться. В брошюре значилось, что мой вагон – один из двух VIP-класса, включенных в поезд, а имелись еще просто СВ и купейные вагоны. «Александр Невский», по моему мнению, даже при поверхностном взгляде скорее походил на пятизвездочный отель, чем на транспортное средство. Войдя в двухместное купе, своей площадью в два раза превышавшее площадь двух обычных, я замерла в восхищении, хотя мой рот уже устал от напряжения, каждый раз распахиваясь, подобно зеву пещеры Алибабы при виде очередного «достижения народного хозяйства». Интерьеры купе, как и тамбура, были выдержаны в темно-красном и белом цветах, полки, которые язык не поворачивался так называть, представляли собою раскладные диваны вполне королевских размеров. Еще я обнаружила собственную душевую кабину и биотуалет – невиданная роскошь для среднестатистического командированного! Зато теперь я точно знаю, на что идут наши налоги – на то, чтобы раз в жизни люди, подобные мне, могли себе позволить прокатиться в таком вот вагоне, а потом, на смертном одре, припомнить этот чудесный опыт и умереть счастливыми. Найдя в туалете еще и два индивидуальных санитарно-гигиенических набора, я едва не завизжала от восторга: жизнь, бесспорно, удалась!

Поезд тронулся точно по расписанию, и я расслабилась, сообразив, что второго пассажира в моем купе не предвидится. Я одна, как какая-нибудь княгиня, проведу здесь время до прибытия в столицу нашей Родины. Разложив на столике и полочках в ванной самое необходимое, я услышала интеллигентный стук в дверь. За ней оказалась все та же улыбающаяся проводница.

– Агния Кирилловна, – обратилась она ко мне по имени-отчеству, чем несказанно меня удивила. Конечно, в списке пассажиров значатся все паспортные данные, но я и не подозревала, что наш российский сервис, о котором сложено немало легенд и анекдотов, может быть таким предупредительным! – Вы желаете кушать в купе или пройдете в вагон-ресторан?

Я уже открыла рот, чтобы попросить ужин прямо в апартаменты, но тут же передумала: грех не воспользоваться возможностью и не оценить еще одну местную достопримечательность!

– В ресторане, пожалуй, – небрежно ответила я, словно ежедневно путешествовала только в «Александре Невском» и никогда и не слыхала о плацкартных вагонах с их длинными проходными коридорами, шумом, запахом перегара с соседних полок и шустрыми карманниками.

– Он рядом с вашим вагоном, – предупредила меня проводница. – Далеко идти не придется!

Она еще немного постояла у двери, возможно, ожидая чаевых – кто знает? – но я не собиралась выходить за рамки своего бюджета.

Вагон-ресторан тоже оказался выше всяких похвал – столики, рассчитанные на четверых, стулья в стиле барокко и красивые шторы на окнах. Окинув быстрым взглядом ужинавших пассажиров, я отметила, что большинство их составляют, скорее всего, бизнесмены высшего звена, их жены и парочка представителей богемы. Я чувствовала себя Золушкой, попавшей на бал в королевский дворец, умом понимая, что мне здесь совсем не место, но в душе ликуя и еле сдерживаясь, чтобы не испустить победный клич ирокезов: смотрите, и все же я здесь!

В ожидании заказа я предавалась изучению брошюры о туристических достопримечательностях нашей столицы, как вдруг совсем рядом со мной прозвучал чей-то приятный голос с сильным акцентом:

– Вы не будете возражать, мадам, если я присяду здесь?

Передо мной стоял мужчина лет пятидесяти пяти в отличном костюме и при галстукке, хотя путешествие в поезде, по моему плебейскому мнению, не предполагает дресс-кода, как на посольском приеме. Я тут же почувствовала себя абсолютно голой в джинсах и свитере и пробормотала, запинаясь:

– Н-нет, п-присаживайтесь, пожалуйста.

– Боюсь, здесь все парами, а я... как бы это сказать – не люблю есть в одиночестве, – располагающе улыбнулся незнакомец. Я сразу оценила его модную стрижку, аккуратные усики и очки в позолоченной оправе. На запястье мужчины тускло сверкали часы Girard-Perregaux – да, я точно *не туда* попала!

– Разрешите представиться, – продолжал между тем мужчина в дорогих часах. – Тиль Зинкнехт.

– О, немец! – выдала я глупейшую из всех возможных реплику.

– Швейцарец, – поправил он.

– И какими судьбами в Санкт-Петербурге?

– Я здесь работаю и часто езжу в Москву. Дома не появляюсь уже лет семь, честно говоря.

А ваше имя?

Я назвала себя.

– И чем вы занимаетесь, позвольте поинтересоваться?

– Я врач.

– Правда?

Похоже, Тиль страшно обрадовался – с чего бы это?

– А где именно вы работаете, если не секрет?

– В... – И тут мне вдруг пришло в голову, что он наверняка ожидает услышать громкое название какой-нибудь известной частной клиники, раз я могу себе позволить путешествовать VIP-классом. Упоминание о моей скромной больнице вызовет с его стороны недоумение, а мне очень хотелось хоть чуть-чуть побыть Принцессой. Признаться, раньше я не замечала за собою подобного снобизма, но теперь дремавшее во мне тщеславие подняло свою уродливую голову, и я, нагло глядя в глаза новому знакомому, ответила: – Знаете, есть такая клиника под названием «Сосновый рай»? Вот там я и работаю.

– Да что вы говорите?!

Лицо Тили Зинкнехта просто расцвело от счастья.

– Директор «Соснового рая» – мой большой друг! – тут же добавил он, и я с ужасом поняла, что, похоже, села в большую грязную лужу. – К сожалению, мы давно не виделись. Как он поживает?

– Да так... – растерянно пробормотала я. – Хорошо, в общем-то...

– Ну да, по-другому и быть не может, ведь у него прибыльный бизнес, связи и тому подобное! А вы давно там работаете?

– Н-нет, – покачала я головой, лихорадочно соображая, какой ответ будет наиболее нейтральным и безопасным. – Совсем недавно.

– Ну, должен сказать, что вам повезло – видимо, вы действительно хороший специалист. В какой области, кстати?

Врать не имело смысла.

– Я анестезиолог.

– А, ну да, у них же там есть отделение пластической хирургии, – закивал Зинкнехт. – А я, между прочим, тоже имею отношение к медицине.

– Неужели?

– Вот, возьмите, – и иностранец протянул мне красивую ламинированную карточку с его собственным именем, указанием должности и номерами телефонов. На карточке значилось: Тиль Зинкнехт, генеральный директор представительства «Schwarzenberg & Co».

– Это тот самый «Шварценберг»? – уточнила я.

– Вы, должно быть, знакомы с нашей продукцией?

– Разумеется – кто же с ней не знаком?

«Schwarzenberg & Co» – одна из крупнейших фармацевтических компаний Европы, а возможно, даже и всего мира, и действительно, практически невозможно найти в Питере человека, не пользующегося какой-либо продукцией из ассортимента товаров этой фирмы. Воистину, «Александр Невский» – подходящее место для заведения полезных знакомств!

Мы немного поболтали о том о сем, а потом Зинкнехт спросил:

– А вы не хотели бы получать некоторый дополнительный доход, Агния? Не волнуйтесь, ничего незаконного! – тут же добавил он, заметив скептическое выражение моего лица. – Простите заранее, если вам это неинтересно, но я все время на работе, как говорится, поэтому постоянно ищу возможности завербовать новых торговых представителей. Особенно если они врачи, – улыбнулся он.

– Почему?

– Да потому, дорогая, что врачам люди доверяют гораздо больше, чем нам, людям коммерческим! Вы же понимаете, что мы продаем качественный товар, но существуют новые, еще не успевшие себя зарекомендовать лекарства, которым понадобится время для утверждения на рынке. Конкуренция, как вы понимаете, велика, а время в нашем случае – деньги. И деньги *очень* неплохие, Агния, поверьте!

– Я нисколько в этом не сомневаюсь, но ведь я сказала, что моя специальность – анестезиология...

– О, в этой области нам тоже есть, что предложить, но я имел в виду медикаменты другого рода. Это высококачественные психотропные в большинстве своем препараты.

– Но... позвольте, – удивилась я, – какое отношение я, как анестезиолог, могу иметь к препаратам такого свойства?

– О, ну вы же общаетесь с пациентами – перед операциями, к примеру? Эти медикаменты не узконаправленного, а многофункционального действия, а потому вы со спокойной душой можете рекомендовать их от многих болезней, а не только по их прямому назначению. Вы легко могли бы иметь, скажем, по тысяче рублей за одного пациента. Или даже больше – в зависимости от стоимости продукта.

Это и в самом деле выглядело щедрым предложением. Психотропные препараты – достаточно дорогое удовольствие, и компания вполне может себе позволить платить своим представителям хорошие комиссионные. Я знала, что в моей больнице многие врачи так подрабатывают, но лично мне совесть не позволяла втюхивать людям лекарства, которые, скорее всего,

им абсолютно не нужны. Тем не менее я сделала вид, что предложение господина Зинкнехта меня заинтересовало, и спросила, мило улыбаясь:

– Я могу подумать?

– Разумеется, разумеется! – всплеснул руками мой собеседник. – Это даже хорошо: на моей родине ни одно важное решение не принимается сразу, его нужно... как вы это говорите – об... мозгить?

– Обмозговать, – мягко поправила я его. – У вас прекрасный русский, Тиль, – это такая приятная неожиданность!

Оставшуюся часть вечера, которую мы коротали за бутылкой отличного шампанского (оплаченного моим визави), Зинкнехт откровенно флиртовал. Мне это показалось невероятно смешным: сначала – дело, потом – развлечение! Все кончилось тем, что он предложил мне встретиться в Москве и поужинать в каком-нибудь уютном местечке, но я вежливо отказалась. Перед расставанием герр Зинкнехт выразил надежду, что мы хотя бы увидимся в Питере и что я, хорошенько обдумав его предложение, отвечу согласием.

Вернувшись в купе, я улеглась на свое «королевское» ложе. Перед тем как заснуть, я подумала, что небольшой скандалчик с Шиловым по поводу моего неожиданного отъезда полностью окупился роскошью этого путешествия и, возможно, одним полезным знакомством.

* * *

Я забросила сумку на квартиру к Шилову-старшему, умылась и переоделась для встречи с Ольгой Малининой. Мой свекор был на работе, но на столе я обнаружила записку с указанием открыть холодильник и угощаться всем, что в нем есть. Там нашлось множество всякой всячины, и я отдала должное предусмотрительной заботе папы Олега. Затем, вооружившись картой Москвы, я отправилась на поиски пропавшей медсестры.

Несмотря на очень поверхностное знакомство со столицей, я на удивление легко нашла адрес подруги Ольги, который она оставила своей тетке.

– Оля? – переспросила меня молодая женщина на последней стадии беременности, открывшая дверь на мой звонок. – Но она здесь и не жила никогда – только пару дней перекантовалась и съехала!

– Съехала? Но куда же, ведь у нее, насколько я понимаю, нет здесь никаких родственников или знакомых, кроме вас?

Взгляд Ольгиной подруги выразил подозрение.

– А вы, собственно, кто такая? – поинтересовалась она. – Почему разыскиваете Олю?

Я рассчитывала обнаружить медсестру по этому адресу лично, а потому не очень хорошо подготовилась к иному варианту. Пришлось врать экспромтом:

– Видите ли... меня попросили передать Оле некоторую сумму денег...

К счастью, видимо, мой расчет оказался верен.

– А, да, она что-то такое говорила! – закивала девушка. – Оля уже, наверное, переехала на новую квартиру.

– Да, но... ну да, конечно! А вы адрес не подскажете?

Я ожидала ее ответа с душевным трепетом. На самом деле на месте Олиной подруги я ни за что не стала бы давать ее адрес первому встречному, ведь на моем месте мог оказаться кто угодно, вплоть до наемного убийцы! Однако молодая женщина повела себя очень доверчиво и тут же написала мне новый адрес подруги на клочке бумаги.

– Передайте ей, что она могла бы и зайти как-нибудь, – с легкой обидой в голосе произнесла она, вручая мне бумажку. – Как ушла от меня, так даже ни разу не позвонила!

– Я обязательно ей напомню, спасибо! – выхватывая из ее рук записку, сказала я и быстро ретировалась.

Интересно, почему это медсестра столь спешно покинула жилище своей подруги и переехала в другое место?

Господи, как же тяжело ориентироваться в чужом городе – особенно в таком огромном, как Москва! Люди на первый взгляд кажутся здесь еще более неприветливыми, чем в Питере, но через некоторое время понимаешь, что дело не в дурном характере москвичей, а в том, что ритм жизни здесь очень отличается от «пульса» моего родного города. Так вот, значит, каким образом чувствует себя приезжий провинциал в мегаполисе! Никогда не считала себя провинциалкой, но, честное слово, теперь я оказалась в ее шкуре и от души этим людям посочувствовала. Тем не менее нашлись-таки и здесь добрые, никуда не спешившие граждане, которые объяснили мне, как добраться до дома Ольги Малининой.

Я трезвонила в звонок минут пять, но никакого ответа так и не получила. Возможно, она на работе? Если уж Ольга сумела снять жилье в чужом городе, то, возможно, за месяц своего пребывания в столице она нашла здесь и работу? А что, медсестры всегда требуются в больницах и поликлиниках, это вам не врачи-анестезиологи! Тем не менее тратить драгоценное время в ожидании Ольги как-то не хотелось, поэтому я принялась названивать во все двери на площадке. Третий звонок принес долгожданные плоды. Мне открыл мужчина лет шестидесяти. Из коридора тут же выскочила маленькая такса и начала обнюхивать мои ноги.

– Вы пенсию принесли? – спросил он приветливо.

– Нет, я по другому вопросу.

Мужчина сразу поскучнел, но дверь все же не захлопнул.

– Я ищу вашу соседку, Ольгу Малинину, – продолжала я. – Вы, случайно, не подскажите...

– Соседку? – удивленно приподнял брови мужчина. – А из какой квартиры?

– Из триста второй.

– Вы ошибаетесь, милая дама: там проживает мужчина.

– Не может быть!

– Валя, кто там еще?! – раздался зычный женский голос из-за спины моего собеседника, и, с легкостью отодвинув мужчину в сторону, несмотря на его внушительные габариты, вперед протиснулась маленькая, щуплая, но очень решительная женщина в спортивном костюме. – Вам чего?

Она выглядела гораздо менее дружелюбной, нежели мужчина, а ее маленькие цепкие глазки мгновенно оценили меня по десятибалльной шкале. Видимо, я получила чуть больше пяти, потому что лицо женщины стало еще суровее: неужели она полагала, что я претендую на внимание ее пожилого мужа? Воистину, ревность порою переходит всякие границы разумного! Я быстренько обрисовала ей ситуацию.

– Ольга Малинина, говорите? – переспросила соседка, покусывая нижнюю губу. – Странно... Здесь живет мужчина. Эту квартиру продали примерно месяц тому назад.

– А вы нового владельца видели? – спросила я.

Женщина затрясла неопрятной седой головой.

– Квартира уже больше месяца стоит закрытая. Жаль, тут жили очень приличные люди – милое семейство из трех человек, но они уехали за границу. Мы все гадали, кто сюда въедет. Это ведь важно, вы понимаете? Вдруг какие-нибудь алкоголики-дебоширы? Представить себе страшно...

Я извинилась и в задумчивости побрела к лифту. Неужели мой приезд – ошибка? Я не смогу предоставить Лицкявичусу никаких данных на Ольгу Малинину, а ведь он, судя по всему, очень на это рассчитывает! Терпеть не могу разочаровывать людей – особенно, если на меня потрачены деньги. Черт подери, «Александр Невский» стоит того, чтобы ради него еще немного потоптать московскую землю... Вот только с чего же начать?

Ничего не оставалось, кроме как вернуться к Ольгиной подруге, у которой я уже побывала с утра.

– Снова вы?! – изумилась она, увидев меня на пороге.

– Простите, – сказала я, – но, боюсь, у Оли неприятности!

– С чего это вы взяли? – недоверчиво спросила она.

Я объяснила, стараясь быть краткой, на этот раз перестав шифроваться и представившись работником Отдела медицинских исследований. Девушка с минуту помолчала, словно обдумывая, стоим ли доверия я и мое удостоверение, а потом, отступив в сторону, предложила:

– Может, вам лучше зайти?

Квартирка оказалась довольно бедной – одна из миллионов, снимаемых в больших городах молодыми семьями. Она выглядела безликой или, вернее, обезличенной: хозяева, сдавшие эти апартаменты, вывезли все, что представляло хоть какую-то ценность. У жильцов не было никакого желания обживать здесь, ведь квартира чужая, а приобретение добротной мебели и всяческих безделушек, делающих дом Домом с большой буквы, означало бы отказ от мысли когда-нибудь обзавестись собственным углом. Поэтому я не обнаружила ничего, характеризующего привычки и наклонности молодых, за исключением разве что пары фотографий. Видавшие виды диван и кресло, в одно из которых усадила меня Диана (так, оказывается, звали подругу Ольги), судя по всему, покупались с рук, как и обшарпанный журнальный столик, заваленный книгами о материнстве и детстве, детскими вещичками и дешевыми пластиковыми игрушками, приобретенными впрок.

– Значит, пропала Оля-то?

Она скорее констатировала факт, нежели задавала вопрос.

– Во всяком случае, по адресу, который дали мне вы, Оля не проживает. Может, у вас есть какие-то другие ее координаты?

Диана озадаченно покачала головой.

– Непонятно! – пробормотала она. – В Москве у нее никого, кроме меня... А я ведь ей так завидовала – вы не представляете!

– Завидовали? – удивилась я.

– Да, – быстро закивала Диана, и на ее лице появилось виноватое выражение. – Тут пашешь-пашешь, еле-еле на съем квартиры наскребаешь, а Оле и пахать-то не пришлось – квартира сама на нее свалилась!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.